

СЕРДЦЕ В
ПОДАРОК

ЛИТА ЛИ
(ЕВГЕНИЯ СОКОЛОВА)

Annotation

Темная сказка о первой любви. Бесплатно. 16+ Сердце юной Миранды Сиал разбито вдребезги. Она страстно мечтает расторгнуть помолвку, но это непросто: придется пройти через позор Королевского суда и вытащить на всеобщее обозрение нелюбезные подробности и семейные тайны. Однако судьба дает Мири шанс. Вероломный жених проклят, а Миранда – тот самый лекарь, который может ему помочь. Что же выберет Мири: свою свободу или чужую жизнь? За помощь в вылавливании ошибок и опечаток - огромная авторская благодарность. Еще большая благодарность за звездочки и комментарии - нам с Музом очень важно ваше мнение, чтобы становиться лучше.

- [Сердце в подарок](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Эпилог](#)
-

Сердце в подарок

Сердце в подарок Евгения Соколова

Глава 1

— Эдвард проклят...

Я вздрагиваю, когда молния ослепляющей вспышкой раскалывает лиловую мглу и ударяет в старый раскидистый дуб на холме.

Закусив до боли губу, опираюсь ладонями о подоконник и глубоко втягиваю грозовой воздух. Первые крупные капли непролитыми слезами разбиваются о железный карниз, а мгновением позже дождь обрушивается сплошной серой стеной так, что мерная частая дробь отдаётся биением сердца в груди, пульсирует током крови в висках.

— Мири?

Сглатываю колючий комок в горле и заставляю себя расслабиться. Всё в прошлом. Я пережила это.

— Миранда? — недоумённо зовёт отец.

— Да, я слышу, — наконец отвечаю чужим, каким-то хриплым голосом.

Натужно скрипит кресло, секундная пауза... и за спиной раздаются тяжёлые шаги. Отец медленно подходит, опускает ладони на мои плечи, легонько сдавливая.

— Прости, девочка моя. Ты можешь отказаться, я пойму. Ты ведь не единственный лекарь в королевстве.

Лёгкое невесомое касание затылка и свобода. Он отступает, оставляет наедине со своими демонами. Минуту я молчу, а потом мрачно признаю:

— Ты прав, не единственный. Но я просто не могу отказаться. И ты прекрасно знаешь почему... — мой голос срывается спущенной тетивой.

— Боги, но как?! Как ты узнала?

— Не важно, пап. Видимо, дела совсем плохи, раз лэд Эмиль обратился к долгу. Передай его мне. Сейчас!

— Мама могла бы...

— Нет! — я почти кричу и с размаху впечатываю кулаки в подоконник. Боль отрезвляет мгновенно. Давлю истерику в корне и продолжаю уже спокойнее: — Нет, нельзя использовать силу в её положении, это может навредить. Пап, я справлюсь.

— Мири...

Плечи вновь сжимают и меня рывком притягивают к себе, растворяя в тепле человеческого тела и тонком запахе кедра с чуть горьковатыми нотками полыни. Я чувствую их особенно остро на контрасте с порывами сырого холодного ветра из открытого окна.

— Я справлюсь, — повторяю уверенно, накрывая отцовские руки своими. — Я проделывала такое десятки раз. Вы с мамой будете гордиться мной.

— Мы всегда тобой гордимся! — Папино дыхание горячим потоком ерошит волосинки на моей шее. — Но, если поймёшь, что не хватит сил...

— Об этом не может быть и речи! — Резко поворачиваюсь в объятиях и ловлю полный обречённой решимости взгляд родных глаз. — Даже думать не смей! Никто не умрет, пока я дышу, пока есть хоть капля магии. Слышишь? — Меня колотит, но не от холода. — Мы это обсудили тысячу раз. Это моё, только моё решение. Я надеялась вернуть долг жизни иначе, но... Ты просто подпишешь смертный приговор, понимаешь? Себе, маме... всем нам. Как мы будем без тебя, пап? — Я вжимаюсь лицом в отцовскую грудь, слушаю тревожный грохот его сердца и, глотая слёзы, сдавленно шепчу: — Я ждала этой возможности два года. Два невероятно долгих года! Ты не сможешь ничем помочь, а я — могу.

— Я боюсь за тебя...

— Я тоже боюсь за себя. Но за нашу семью я боюсь ещё больше. Пап, другого выхода просто нет. Я верну твой долг жизни, и мы все получим свободу.

— Котёнок... Не этого мы хотели, — виноватый вздох. Объятия становятся крепче, и папин подбородок ложится на мою макушку.

— Знаю. Но вышло так, как вышло.

— Сколько тебе нужно времени? — тихо спрашивает.

— Да хоть прямо сейчас! — беспечно хмыкаю. — Совершаем обмен, и я выезжаю...

— Нет. — Отец отстраняется, пристально глядит и крутит головой. — Завтра. Поедешь утром, когда гроза пройдет. А пока, — тёплая улыбка солнечным лучом озаряет его лицо, — пойдём пить чай, а то ты совсем продрогла.

Он легонько целует в кончик носа и тянет за собой. Усаживает в глубокое кресло у камина, бережно закутывает в плед как в детстве и тщательно подтыкает края, не оставляя ни малейшей щёлочки. Мне торжественно вручают большую чашку и вазочку с любимым джемом. Отпиваю глоток, смакуя, и жмурюсь довольной кошкой.

Мы старательно смеемся, вспоминая проделки Агаты и Люсиль, обсуждаем события дня. Обычный разговор в обычный дождливый вечер. Если бы не тревога, витающая в воздухе невидимой паутиной, в которой то и дело пойманной бабочкой повисает натужное веселье.

Мне страшно.

Как бы я не храбрилась — неизвестность всегда пугает. Я не знаю, что заставило лэда Эмиля прибегнуть к долгу жизни. Даже боюсь загадывать. Но у меня нет права бояться. Я должна освободить отца от клятвы. И избавиться от ядовитого шипа в груди.

Я покидаю родительский дом ранним утром, и спустя четыре часа утомительного пути по раскисшей от грязи дороги, наконец-то могу немного размять ноги и осмотреть окрестности с высокого холма.

Внизу, насколько хватает глаз, расстилается пологая лесистая долина реки Вледы, очерченная с двух сторон горными хребтами. Прямо в центре, у подножия серых скал — столица нашего королевства, город Дарев.

Неприступные утёсы подходят вплотную к его улицам, нависая, а на самом большом из них — выпирающем далеко вперёд словно рог мифического чудовища — сверкает белая корона королевского замка.

Солнечный свет вспыхивает отражёнными искрами в окнах, нестерпимо сияет, будто дворец и впрямь украшен россыпью драгоценных камней, как монарший венец. Это впечатление ещё больше усиливает туман, что струится горностаевой мантией вокруг каменных плеч, покрывая густой белесой дымкой очертания города под ним.

Ещё чуть-чуть потерпеть и я буду на месте.

Слава богам, на спуске начинается вполне сносная мощёная дорога, так что я позволяю себе вздремнуть. Просыпаюсь от небольшого толчка и скрипа рессор: экипаж останавливается возле

крепостной стены. Пока мы ждем своей очереди, бегло поправляю причёску, разглаживаю складки на платье, а после отстранённо наблюдаю оживленную суету перед воротами.

Один из рукавов Вледы, умело направленный в нужное русло, лениво вползает в город с севера вместе со мной. Он проходит сквозь решётчатый зев в толстой каменной кладке и недовольно бьётся в гранитном капкане каналов, разделяя Дарев на две неравные части.

Меньшая, правая — «белый» берег, где всё из грейдарского мрамора: королевская резиденция, особняки знати, общественная библиотека, модные лавки, рестораны, ратуша и монументальный храм Всех Богов на центральной площади — буднично мелькают в окне экипажа по мере того, как мы углубляемся в паутину городских улиц.

Левая часть — «серый» берег (скорее остров, потому как центральный городской канал и широкая лента Вледы сливаются воедино ниже по течению) — вотчина среднего класса, порта, торговых рядов, многочисленных мастерских и разнообразных контор.

Есть ещё «тьень» — злачный квартал бедняков, жуликов и отребья. И как ни странно, она находится на «белом» берегу, прямо за дворцом.

Ослепительная твердыня монархии безоговорочно довлеет над всей столицей, хищно устремляя шпили башен к недоступному прочим солнцу. А позади неё, в падающей тени, к отвесным склонам неопрятными осиными гнездами лепятся жалкие трущобы.

Непосредственная близость такого «соседа» абсолютно не смущает даревскую знать: от блистательного общества «тьень» отделяет прочная грань магического купола, единственный выход из него находится далеко за пределами «белого» берега под неусыпным надзором стражников.

Говорят, в солнечный день, с дворцового балкона можно увидеть, как внизу копошатся неприметные людишки будто чёрные муравьи.

Ненавижу Дарев! Этот город ни капли не изменился: снобы-особняки всё так же соревнуются в обилии украшений на фасадах; пестрые, но какие-то безликие витрины заманивают грудями товаров на любой вкус и кошелек; на улицах вечная суета-сует и несмолкаемый человеческий гомон, от которого ломит виски.

А ещё липкий туман, что пристает к телу второй кожей. Редкие солнечные лучи с трудом пронзают его рыхлую плоть, скупно одаривая

прохожих теплом и светом, как отъявленный скряга — золотом.

Вечность назад я поклялась, что больше не ступлю на влажную мостовую, не вдохну сырой, тяжелый, пропитанный речными запахами воздух.

И вот я здесь.

Резко задернув шторы, откидываюсь на мягкое изголовье и закрываю глаза. Полумрак и мерное поскрипывание экипажа по брусчатке убаюкивает, окутывает сонной негой. И сколько бы я не уговаривала себя, безжалостная память в очередной раз возвращает в тот единственный день, когда Дарев сиял всеми красками мира. Его извилистые улочки, нагретые солнцем, утопали в пышной зелени, в каналах мелодично плескалась прозрачно-голубая вода, в воздухе витали восхитительные ароматы цветов, сладостей и свежей выпечки, а жизнь казалось прекрасной, беззаботной, полной радужных надежд.

Глупая, глупая Мири!

Три года назад

— Он приехал, приехал! Слышишь, Мири? Такой краса-авчик....

Тринадцатилетняя Люсиль бешено скачет вокруг, то и дело дергая за платье. Я и сама бы запрыгала, но как старшая сестра, сохраняю невозмутимость. Хотя сердце в груди бешено колотится, поет, взмывает птицей, и шальная улыбка невольно раздвигает губы.

Эдвард Тьер, моя первая любовь.

Тот, кто снился ночами, украшал альбомы для рисования, занимал все мысли на протяжении последних двух лет — приехал, чтобы официально просить моей руки.

Наши родители договорились о браке давно, но помолвка не объявлялась публично. В глубине души я боялась, что она вообще не состоится. Однако страх не мешал мечтать и надеяться.

Эдвард...

Высокий, статный, красивый, улыбчивый. С глазами ярче летнего неба и пламенной шевелюрой. Его невозможно не заметить, в него невозможно не влюбиться. Лучший ученик военной академии,

единственный наследник богатого знатного рода, приближённого к королевской семье — лакомый трофей брачной охоты.

Я сгорала от ревности, не имея возможности заткнуть болтливые рты, когда весь последний год юные аристократки алчно спорили, кому же он достанется.

Несколько дней назад я случайно подслушала часть разговора наших родителей... И да! Долгожданная помолвка всё-таки состоится. А значит сегодня на балу в честь моего шестнадцатилетия, я наконец-то официально стану невестой.

С каким же наслаждением я утру нос всем столичным красоткам, безутешно вздыхавшим по рыжему. Моему рыжему.

Пора.

Последний раз смотрю на себя в зеркало и поправляю непослушную русую прядь. Провожу руками по светло-серому шёлковому платью, разглаживая мелкие складки.

Идеально!

Я специально подбирала фасон, напоминающий свадебный наряд. Изящное алонское кружево, нежная россыпь мелких сверкающих жемчужин. Ещё бы тиару в волосы и хоть сейчас в храм.

Всё должно пройти безупречно!

Мои глаза мерцают предвкушением, а щёки смущённо розовеют.

Я готова.

Готова спуститься и сделать шаг в новую счастливую жизнь, став Мирандой Тьер.

— Лэди Сиал...

— Л-лэд Тьер...

— Вы подарите мне этот танец?

Спокойно, Мири, дыши. Проглоти колючий комок в горле и хватит уже краснеть. Это твой будущий муж. Улыбнись ему. Вот так, смелее.

Мои ладони моментально намокли, а по спине неприятно скользнули капельки пота, и шёлковая ткань прилипла между лопаток.

Сглотнув, облизываю пересохшие губы. Мимолётно оттираю руки и подаю трясущуюся конечность, с облегчением отмечая спокойный и

доброжелательный взгляд Эдварда без тени насмешки. Он галантно склоняется, подхватывает кисть, и я следую за ним на негнущихся ногах в центр зала.

Наша пара отражается в многочисленных зеркалах. Светло-серое, темно-синее и огненное. Цвета зимнего утра.

Постепенно вокруг появляются новые пары. Эдвард небрежно кивает знакомым, а я не могу оторвать от него взор.

Боги, какой же он красивый!

Чистый высокий лоб, широкие ровные дуги темно-рыжих бровей, по-девичьи длинные ресницы над лазурной синеваой глаз. Ярко выраженные скулы, мужественный подбородок, гладко выбритые впалые щёки. Вот бы нежно обхватить их, пленить, чтобы безотрывно любоваться самым прекрасным лицом на свете, забывая обо всем.

Или пробежаться пальцами по непослушным рыжим прядкам, что трогательно вьются у висков и основания шеи и живописно спадают на жесткий расшитый серебром ворот.

А его губы... Боги, неужели я смогу их целовать?! Кажется, кто-то сейчас рухнет без чувств от счастья.

Так, Миранда Сиал, прекрати это немедленно! Я кому говорю?! Хватит столь откровенно пялиться! Это просто неприлично, в конце концов! Вот, правильно, изучать узоры на пуговицах не возбраняется. Тем более они такие рельефные, выпуклые... совсем как широкая грудь Эдварда. И крепкие надежные плечи... и подтянутая фигура, и...

Нет! Ниже смотреть нельзя!

Я опять облизываю губы и сглатываю, прикипая смущённым взглядом к застёжке мундира.

Талию крепко обхватывают, вынуждая прогнуться. Я должна дотронуться до Эдварда, должна положить ладонь на его плечо. Боги!

Пальцы нервно подрагивают. Моя рыжая мечта мягко сжимает их и отводит наши сцепленные руки в сторону.

Тихо, тихо, Мири. Главное, не упасть в обморок. И не наступить на ногу... И в подоле не запутаться... И...

Звуки музыки оглушают. Эдвард шагает вперёд, я мешкаю долю секунды. Спohватившись, торопливо отступаю, подчиняясь мелодии. И мир вокруг нас начинает кружиться пестрым волчком.

Сосредоточившись на движениях, послушно следую за моим кавалером, выполняя танцевальные па. И... раз-два-три, раз-два-три,

правый поворот...

Ох! Тонкий каблук цепляет кружевную оборку подола и я, запнувшись, лечу вперед... За мгновение до конфуза, меня удерживают, не давая позорно воткнуться носом в мужскую грудь.

— П-простите, лэд Тьер.

— За что, лэди Сиал?

Мельком вскидываю взгляд и едва не падаю снова. Какая же у него улыбка... Добрая, понимающая. Мне так повезло! Я самая счастливая на свете!

И... раз-два-три, раз-два-три, левый поворот...

Ай! Нога предательски оскальзывается на натертом до блеска паркете, превращая изящный разворот в езду по опасному льду.

— Осторожнее!

— Угу, — признательно мычу, пунцовея ярче волос Эдварда.

Ну разве так благодарят?! Не мямли, улыбнись, скажи что-нибудь приятное. И я ляпаю первое, что приходит на ум:

— У вас о-очень красивый м-мундир, лэд Тьер...

Боги, лучше бы промолчала!

— Спасибо, лэди Сиал, вы сегодня тоже очаровательно... выглядите, — со смешком отвечает рыжий.

О, он считает меня очаровательной... Безудержный восторг колкими пузырьками игристого в одну секунду заполняет всё тело. Ещё мгновение и я взлечу под потолок. Боги, я — очаровательна!

Эдвард, мой дорогой Эдвард! Ты так близко...

Что уже расходимся? Так быстро? Фух, всего лишь смена фигуры!

Поворот, проход и мы снова лицом к лицу. Запах Эдварда окутывает мягким облаком. Что-то легкое, свежее, с цитрусово-пряными нотами. Вдыхаю украдкой поглубже, жмурюсь и... со всей силы наступаю ему на ногу.

Боги!

В уши гулками литаврами ударяет кровь и колени подгибаются. Мне так дурно, что танцевальные па вылетают из головы со скоростью арбалетного болта. Я сбиваюсь с ритма, судорожно пытаюсь вспомнить последовательность движений, мечусь, спотыкаюсь вновь и, в конце концов, сталкиваюсь с Эдвардом нос к носу.

— С вами всё в порядке? — встревоженно интересуется тот, а я мечтаю провалиться в подвал. Подальше от внимательного взгляда.

— Д-да...

Отвернись, умоляю! Волна стыда обжигает виски и щёки, горячечно стекает по шее, заставляя кожу вспыхивать. Внутренности стягивает морским узлом, и я прикусываю губу до боли.

— Лэди Сиал, вам нехорошо?

— Н-нет, я... я просто отвлеклась, извините, — виновато бормочу, отводя глаза и отодвигаясь.

Буду смотреть куда угодно, только не на него. Соберись, соберись, Миранда! Хватит трястись как заячий хвост. Так, какое там было следующее движение?

Делаю поспешный шаг и... каблук острым штыком протыкает носок сапога. Боги! Опять?!

Эдвард шипит сквозь зубы, отступая. Поздно, мои ноги живут отдельной жизнью, выписывая под музыку опасные для его здоровья кренделя. Бедный мой рыжий!

Наконец демонов вальс заканчивается. Меня галантно доводят до места, стараясь не прихрамывать. Пристально изучаю паркет всё время, пока Эдвард обменивается любезностями с родителями.

— Спасибо за танец, лэди Сиал. Это было восхитительно, — приятным глубоким голосом произносит рыжий, и я втягиваю голову в плечи. Хотя, куда уж сильнее?

Смущённо приседаю в реверансе, пискнув в ответ что-то невразумительное. И провожаю взглядом его широкую спину.

Поздравляю, Миранда Сиал! Ты — восхитительно неуклюжая гусыня! Просто сама безупречность!

Отвернувшись, сердито фыркаю, плюхаюсь на диванчик и выхватываю веер.

Боги, я всё испортила!

Небольшая передышка утихомиривает разум, а следующие несколько удачных проходов с другими партнерами и сладкий нектар изысканных комплиментов проливают елей на уязвлённую гордость.

Хрупкое спокойствие длится ровно до того момента, когда мы с Эдвардом оказываемся снова в центре зала.

Передо мной опускаются на колени и берут мои руки в свои. Опять трудно дышать, корсет сдавливает ребра и кружится голова.

Вот оно! Боги, дайте сил устоять на ногах.

— Лэди Миранда Сиал, в вашей власти сделать меня счастливейшим из смертных. Вы согласны стать моей женой? — слова звучат торжественно и бесстрастно, отдаваясь громогласным эхом во всей бальной зале.

Я хочу закричать: «Согласна! Тысячу раз согласна!», но вместо этого оторопело взираю на Эдварда и молчу.

Пауза неприлично затягивается, и во взгляде рыжего корочкой тонкого льда проступает недоумение, в то время как меня охватывает настоящий пожар. Я мелко сглатываю, пытаюсь смягчить пересохшее горло и, наконец, мучительно выдавливаю:

— Д-да...

Эдвард встаёт, невозмутимо надевает мне на безымянный палец фамильный перстень с огромным сапфиром и целует кисть.

Свершилось!

Я едва держусь, чтобы позорно не разреветься от облегчения. Мой милый! Он любит меня! Боги, он любит!

Дыхание перехватывает окончательно. Шатаюсь как пьяная, отчаянно вцепляюсь в его предплечье. Меня придерживают заботливо, не давая упасть.

— Поднимем же бокалы за обрученных! — Повинуясь папиному жесту, слуги торопливо обносят гостей шампанским.

Хрустальный фужер ходит ходуном. Я отпиваю глоток, не чувствуя вкуса. Словно в тумане иду, ведомая крепкой рукой. Эдвард негромко говорит что-то, но я не слышу. Только улыбаюсь глупо, всё ещё не в силах поверить.

Я буду его женой!

Настоящее время

Экипаж резко дёргается, и я кубарем лечу на пол. Ещё несколько коротких рывков меня мотает вперёд-назад как сельдь в бочке, пока кучер щёлкает хлыстом и отрывисто бранится под пронзительное

ржание лошадей и мерзкий скрип рессор. Я цепляюсь за стенки и сидение, пытаюсь удержать подобие равновесия, прежде чем карета замирает окончательно.

— Что там, Бор? — рычу раздражённо, кое-как поднимаясь.

— Вы в порядке, госпожа? — Бор с тревогой распахивает дверцу, окидывая испуганным взглядом. — Какая-то сумасшедшая бросилась прямо под колеса, я едва успел удержать лошадей.

— Всё хорошо. Я не виню тебя. Долго нам ещё ехать?

— Минут двадцать, госпожа.

— Угу, — киваю. — Можешь идти.

Двадцати минут мне хватит.

Бор коротко кланяется, закрывает дверь и возвращается на козлы. Экипаж, качнувшись, плавно трогается. Прикусив губу, задираю подол, стягиваю чулки и обзираю уродливые багряно-лиловые синяки.

Демоны! Выругавшись под нос, лезу в лекарский саквояж. Где же эта мазь? Я точно помню, что клала её в основное отделение.

Хм, успокаивающий сбор, настойка от бессонницы, настойка для бодрости, от желудочных колик, от головной боли, от хандры, от женских недомоганий, от...

Та-ак, а что здесь делает печенье и баночка абрикосового джема?! А это, как понимаю, сопровождающий — небрежно верчу в руках любимую тряпичную куколку младшей сестрички.

Интересно, когда Агата успела засунуть свои гостинцы? Обычно она спит до полудня. О том, что я уезжаю рано утром, знал только папа. Наверное, стоит намекнуть, что кое-кого нужно срочно проверить на предмет проснувшегося дара.

Я с нежностью рассматриваю неожиданные подарки и прячу их в отдельный внутренний карман саквояжа, возвращаясь к поискам мази.

Странно, разве я брала с собой десять пузырьков укрепляющего зелья? Неужели, кто-то решил, что я собралась поселиться у Тьеров на месяц?

Ох, ну наконец-то!

Торжественно извлекаю на свет небольшую жестяную коробочку и ещё пару секунд сражаюсь с плотно подогнанной крышкой. Одержав победу, тщательно втираю немного буроватого состава с резким

травяным запахом в колени. Когда синяки постепенно бледнеют, а боль уходит, усмехаюсь криво.

Какая ирония — один из лучших лекарей королевства не в состоянии вылечить себя сам!

Хорошо, у нас приличный аптекарь. Настойки и притирания мэтра Лурье неоднократно выручали, вот и сейчас его чудодейственная мазь от ушибов и синяков отправляется на своё место. Захлопываю саквояж и ласково провожу по нему рукой, вздыхая.

Честно говоря, я даже благодарна неизвестной душевнобольной: неожиданное падение вырвало из водоворота тягостных воспоминаний. Хотя сердце то и дело тоскливо сжимается от нехороших предчувствий.

Глупости, Мири! Нечего выдумывать и ворошить прошлое. Ты просто едешь к очередному пациенту. Да, именно так!

Досадливо передёргиваю плечами и обхватываю себя руками, вопреки увещаниям всё глубже проникаясь странной уверенностью, что скорая встреча с Эдвардом не предвещает ничего хорошего.

Глава 2

Старый Эмер почтительно принимает у меня перчатки и летнее пальто, встречая у входной двери. Прежде чем отправиться на конюшню, Бор самолично вносит мой немудрённый багаж, оставляя его на полу в просторном холле.

— Лэди Сиал с визитом к лэду Тьер, — чопорно объявляет дворецкий, распахивая высокие двустворчатые двери в знакомую гостиную.

Помедлив на пороге, глубоко вдыхаю, покрепче перехватывая лекарский саквояж и вхожу. Здесь практически ничего не изменилось за два года. Только дубовые панели на стенах потемнели чуть сильнее, чем мне помнилось, да рубиново-красные бархатные портьеры сменились новыми — глубокого винного цвета с затейливой вышивкой золотой нитью.

Мой взгляд рассеянно оббегает комнату и останавливается на Эдварде, притянутый непреодолимой силой. Брови рыжего изумленно изгибаются, и он рывком слетает с дивана, роняя на сидение раскрытую книгу.

Боги! Он всё так же неотразим. Даже более, чем тот идеальный образ, что хранится в памяти, вопреки моей воле. И никакое проклятие не в силах умалить строгую мужскую красоту, ставшую за прошедшие годы ещё отчётливее и острее. Как адамасский клинок — смертоносный и безжалостный.

Сердце тоскливо скулит в ледяном панцире груди, но я мысленно шикаю, ставя несносный орган на место.

Краткий вдох, взмах ресниц. Скупно улыбаюсь и, как того требуют приличия, приседаю в глубоком реверансе:

— Доброго дня, лэды Тьер.

— Лэди Сиал... — Эдвард медлит ничтожную долю секунды, прежде чем кивнуть и расплыться в самодовольной ухмылке, нагло выдавая её за вежливую улыбку.

Боги! И как я могла влюбиться в такого напыщенного индюка? Мышцы лица зудят, норовя собраться презрительной гримасой. Долг жизни, Миранда! Улыбаемся и терпим.

— Миранда, девочка моя!

Лэд Эмиль энергично подскакивает из кресла, стремительно пересекает комнату, широко раскрывая объятия. Он буквально светится, излучая волны радушия. Эта наигранная приветливость абсолютно не трогает моего сердца. Я выставляю вперёд саквояж на манер щита и отрывисто роняю:

— Я тоже... рада.

— Счастлив видеть те... — отец рыжего спотыкается на полуслове и замирает растерянно.

Да, вы всё правильно поняли, лэд Тьер. Я не в том положении, чтобы испытывать искреннюю радость от нашей встречи.

О чём вы только думали, подвергая папину жизнь опасности? Всего-то и надо было — попросить. И, клянусь богами, я бы не отказала, несмотря ни на что.

— ...вас, — на порядок сдержаннее заканчивает лэд Эмиль. — Я искренне признателен, что вы откликнулись, лэди Сиал.

«Можно подумать, у меня был шанс отказаться?» — скептически вздергиваю бровь.

«У меня не было выбора!»

«Выбор есть всегда...»

«Не сейчас...»

— К чему это фарс, отец? — с насмешкой вмешивается в наш безмолвный диалог рыжий. — Моё проклятие не настолько ужасно, в столице полным-полно лекарей...

— Молчи, Эдвард! И молись, чтобы лэди Сиал помогла, — недовольно обрывают его и хмурятся.

Рыжий кривится кисло, закатывает глаза. Кажется, данный спор у них не первый, но меня это не касается.

— Я могу приступить? — деловым тоном осведомляюсь, наконец опуская на пол порядком оттянувший руки саквояж.

— Конечно, конечно, — Тьер-старший вновь надевает маску гостеприимного хозяина, суетливым жестом обводя гостиную. — Мы все в вашем полном распоряжении, госпожа лекарь. Любое ваше слово — закон в этом доме. Слава богам, теперь жизнь Эдварда в надежных руках.

За его выпранным тоном, как за расписной ширмой, скрывается неподдельный страх. Неожиданно ловлю себя на мысли: «А как бы я

поступила на его месте?»

— Я сделаю всё, что в моих силах... — отвечаю предельно искренне.

И даже больше. Ведь папин долг уже с рассвета обвивает моё предплечье дремлющей ядовитой змеей, а значит, если не справлюсь — клятва возьмёт мою жизнь.

— Распоряжусь, чтобы приготовили вашу старую комнату. Помнится, когда-то давно она была вам очень по душе.

О нет, только не её!

Но прежде, чем успеваю возразить, Тьер-старший торопливо покидает гостиную.

Едва за ним закрывается дверь, Эдвард молча опускается на диване. Небрежно отшвыривает книгу на резную консоль под окном и медленно наливает вино. Пару секунд бездумно крутит бокал в пальцах, потом закрывает веки и отпивает неспешно, смакуя.

Мы остались наедине.

В принципе в этом нет ничего предосудительного. Проклятия коварны и непредсказуемы, были случаи, когда они перескакивали с одного человека на другого, поэтому лекарь всегда остается с пациентом один на один из соображений безопасности. Это знает каждый в королевстве. Моей репутации ничего не угрожает и всё же... Я нерешительно мнусь, не зная с чего начать...

Быстрый взгляд поверх тонкой хрустальной грани заставляет вздрогнуть, как от укола. Едва успеваю опомниться, как рыжий залпом допивает вино, отставляет пустой бокал и откидывается на диване, вальяжно забрасывая ногу на ногу.

— Ну что же вы, Миранда? — прищурившись, усмехается. — Приступайте. Как выразился мой дражайший отец — я в полном вашем распоряжении, дорогая невеста.

— Госпожа лекарь. Лэд Тьер, по всем вопросам вы можете обращаться ко мне — госпожа лекарь. Лэди Сиал тоже допустимо. Я настоятельно прошу воздержаться от неуместной фамильярности, — холодно уточняю, пока рыжий недоуменно таращится.

— Как скажете, Ми... — вопросительно склоняю голову к плечу, и он легко исправляется: — Лэди Сиал. Что-то ещё?

— Да. — Величественно киваю. — Так же настоятельно не рекомендую отвлекать меня во время лечения какими бы то ни было

действиями или разговорами...

Идеальный вариант — запереть его в комнате. Желательно на другом конце света, подальше от меня. Жаль, это только мечты, потому я продолжаю строго:

— ...Магия — капризная особа, лэд Тьер. Лекарю во время работы приходится полностью погружаться в тонкие сферы. И если в неподходящий момент сбить концентрацию, можно застрять в чужой голове. А это — довольно неприятная и даже опасная вещь. Особенно для того, кого исцеляют. Вы же не хотите остаться совершенно здоровым, но самую малость... — делаю эффектную паузу, — ... умалишенным?

— Не хочу, лэди Сиал, — цедит рыжий, и я позволяю себе снисходительную усмешку:

— Рада, что мы правильно поняли друг друга, лэд Тьер.

Эдвард кивает, и я прохожу вперёд, но не сажусь рядом с ним. Выбираю дальнейшее кресло напротив, опускаюсь, удерживая спину максимально ровно и складываю руки на коленях, как ученица на уроке строгого учителя. Игнорируя насмешливый взгляд, смыкаю веки и пытаюсь на расстоянии проникнуть внутренним взором в ауру рыжего.

Демоны! Не получается!

Минут десять усиленно изображаю статую, внутренне закипая от ехидного покашливания.

— А разве лекарю не нужен физический контакт? — невинно интересуется рыжее чудовище. — Или вы практикуете прогрессивные методы бесконтактной магии, лэди Сиал? Как рыночные... м-м-м...

— ...шарлатаны, вы хотели сказать? — Я раздраженно поднимаю ресницы, признавая поражение.

— Представители нетрадиционного подхода, — уклончиво отвечает, но выражение, с которым он это делает, не оставляет сомнений.

— Хор-рошо, лэд Тьер... Можем пойти привычным путем.

Порывисто вскакиваю и, неожиданно для себя, замираю.

Я должна подойти к нему... Подойти, сесть рядом, взять за руку. Это легко. Выбросить все мысли из головы, найти следы проклятия и...

Боги! Ладони мигом покрываются влагой, а горло сводит судорогой. Меня едва заметно потряхивает и это бесит. Глупое сердце, прекрати! Прекрати так стучать! Я больше не люблю его, нет. Он просто пациент. Один из многих.

В конце концов, Миранда, разве не этого ты хотела? Вернуть долг, получить свободу! Так чего же трясешься сейчас? Иди, и просто сделай! Немедленно!

Разозлившись, прикусываю губу и чеканным шагом шествую к дивану. Рухнув на мягкое сидение словно в ледяную воду, отираю руки о платье и закрываю глаза.

Не смотреть!

На ощупь нахожу пальцы рыжего, сжимаю, и искренне надеюсь, что мои собственные не дрожат.

Ненавижу его!

Боги!!

Едва удерживаюсь, чтобы позорно не отскочить в сторону, когда вижу ауру Эдварда. Огромная багряно-чёрная клякса расплывается в районе головы. Ещё одна, не менее мерзкая, примостилась в груди. Два разных проклятия прочно сплелись в тонкую пульсирующую паутину, запустив щупальца во все внутренние органы.

Каким чудом он ещё жив?

Ошарашенно распахиваю глаза и некоторое время безмолвно ими хлопаю.

— Всё так плохо?

Даже не знаю, что сказать... С такими проклятиями я не сталкивалась раньше. Не иначе как от шока, честно выпаливаю вслух:

— Намного хуже, чем я думала.

— О, вы умеете утешить, лэди Сиал! — Губы Эдварда кривит саркастическая усмешка.

— Ничего смешного, лэд Тьер, — раздражённо отмахиваюсь, всё ещё пытаюсь осознать увиденное. — У вас не одно, а целых два любовных проклятия. Причем очень сложной совмещённой структуры. Стесняюсь спросить, где вы могли их подцепить?

— На свете много хорошеньких женщин... — беспечно отвечает рыжий гад и мечтательно прикрывает веки.

Демоны! Воздух со свистом рвётся сквозь зубы, и я взвиваюсь на ноги, абсолютно забыв, что обещала терпеть и улыбаться.

— Мне совсем не интересны ваши похождения, лэд Тьер! Увольте от жутких подробностей. Достаточно посмотреть вашу ауру...

— Не переживайте, лэди Сиал, вы тоже очень хорошенькая, — успокаивают меня, окидывая быстрым оценивающим взглядом.

Это переходит все границы!

— Прекрати-те... — даже гадюка позавидовала бы угрожающему шипению, что срывается с моих уст.

— Что прекратить? — синие глаза невинно округляются.

Боги, за что?! Спокойно, Мири, спокойно! Не о том ты думаешь! Самое главное — спасти отца и получить свободу. А рыжий пусть катится на все четыре стороны к своим хорошеньким шл...

Фу-у, ну вот, я уже скатилась до площадной брани! Мне абсолютно безразлично: кто, где и как осчастливил рыжего гада проклятиями. Я должна с ними разобраться. Да, именно, так! Разобраться — и точка! А остальное... Да к демонам, остальное!

Несколько коротких вдохов-выдохов и пара мысленных затрецин быстро приводят в чувство.

— Лэд Тьер, я не смогу помочь, — как можно миролюбивее начинаю, обуздывая эмоции, — если вы не прекратите вульгарные намёки. Сейчас я не ваша невеста, а лекарь. И как лекарь... — особо подчеркиваю последнее, — требую, чтобы вы вели себя подобающим образом! К тому же, как бывшая невеста, я не испытываю ни малейшего желания знать о вашей личной жизни более того, что уже знаю. Иначе, я порекомендую вам обратиться к другому целителю.

Да, лукавлю. Лечить его должна именно я, ибо только так смогу потребовать в качестве платы отмену долга. И видят боги, я её получу. Но это не значит, что я намерена выслушивать скабрёзности в свой адрес, чтобы он там себе не воображал.

— А может, это вы меня прокляли, лэди Сиал? — нахально предполагает рыжий, и я мгновенно теряю контроль.

— Да как вы посмели?! Вы... вы... — у меня кончается воздух. Я хватаю свежую порцию раскрытым ртом и вдруг кристально-честно признаю: — Да! Я вас ненавижу!

Гнев исчезает столь же стремительно, как и появился. Удивлённая собственной смелостью, я пристально изучаю помрачневшее лицо, которым грезила столько лет, и без смущения продолжаю:

— Это правда! Но проклинать... — горький смешок повисает в воздухе. — Вы не достойны моего проклятия, лэд Тьер. Вы всего лишь бессердечный повеса и распутник. Вы сами заслужили свои проклятия, не сомневаюсь в этом ни единой минуты. Мне нечего вам предложить. Прощайте!

— Лэди Сиал, постойте! — мою руку хватают, не давая сделать и шагу. — А если я скажу, что раскаялся?

Качаю головой. С чего бы?!

— Это правда, Миранда, — добавляет Эдвард странным тоном, и я теряюсь.

Раскаялся? Вот так вот, сию секунду? Не верю. Это было бы слишком легко. Кажется, я догадываюсь...

— Лэд Тьер, я помогу вам. Не нужно унижаться.

Лицо рыжего каменеет. Он отпускает меня, и вновь откидывается на спинку дивана.

— Раз вы такого мнения, лэди Сиал, вам действительно лучше покинуть этот дом, — отрезает гневно.

— Я не могу...

Я уже жалею о своей вспышке, ведь рыжий и в самом деле волен выбрать любого другого лекаря, и тогда...

Нет, не буду об этом думать. Нужно срочно исправлять ситуацию. Поэтому торопливо сажусь обратно и внезапно, не отдавая себе отчета, легко касаюсь его плеча:

— Я обязана исцелить вас, чтобы закрыть долг жизни. Лэд Тьер, пожалуйста, давайте не будем всё усложнять...

— Хорошо, — мрачно изрекает Эдвард. — Но при одном условии.

— Каком? — спрашиваю осторожно, понимая, что сама загнала себя в ловушку.

— Давайте дружить, лэди Сиал! — выпаливают мне и на лице рыжего расплывается подозрительно довольная улыбка.

Это так неожиданно, что я ошеломленно таращусь пару секунд, непроизвольно сдвигаясь подальше. Но противоречивое рыжее чудовище словно не замечает моего изумления, снова бесцеремонно хватая за руку и с воодушевлением продолжает:

— Вы перестаете шипеть и смотреть на меня, как на мерзкое насекомое. А я, так и быть, умерю свою пыл и не стану ухаживать...

Мою кисть нежно поглаживают, покрывают невесомыми поцелуями, постепенно поднимаясь к запястью.

— ... говорить, какая вы прелестная, нежная, соблазнительная особа. Особенно, когда так мило хмурите бровки и... волнуяще прикусываете нижнюю губку. Поверьте, лэди Сиал, — тихий вкрадчивый шепот гремит в ушах фанфарами, а короткий жаркий выдох обжигает внутреннюю поверхность ладони, — я умею... дружить.

Щёки вспыхивают, а глупое сердце завроженно пропускает удар. Меня окатывает огнём с ног до головы и, словно очнувшись, я выдергиваю ладонь, нервно восклицая:

— Согласна!

Боги! Стискиваю пальцы в замок, скрывая дрожь, и вздыхаю украдкой. Ближайшие пару недель мне придётся жить с ним в одном доме... Я просто не выдержу!

Но, можно ведь притвориться, что принимаю его дружбу? Это — меньшее из зол. Да! Да, я просто притворюсь и тогда, он не будет... не будет так.

— И ещё...

— Что-то ещё?

Ему что, мало?!

— Я предпочитаю, когда друзья называют меня по имени. Так намного проще... Мири.

Что?!

«Клара, мне нужна твоя книга».

Буквы вспыхивают золотом и исчезают. В ожидании ответа, задумчиво грызу кончик стального пера-артефакта. Где бы ни была Клара, она уже знает о послании.

Белый лист пуст.

Рассеянно переворачиваю страницы старинного фолианта, любезно предоставленного лэдом Эмилем. Ему, как архивариусу королевской библиотеки, позволено многое. В том числе — доступ к запретным книгам. Это восьмая за последнюю неделю.

Пролистываю не глядя, потому как описанные проклятия не подходят. Любовная магия имеет все оттенки красного. Проклятия рыжего с каждым днем наливаются мраком, свойственным темным чарам.

Но кровная клятва запрещает чёрным магам вредить жителям королевства. Тем более аристократам. Не понимаю...

— Миранда? — Негромкий стук в дверь заставляет подпрыгнуть на месте. — Можно войти?

Эдвард?!

— Минуточку! — Судорожно захлопываю книгу, вскакиваю и несусь к зеркалу. Так и есть — под носом чернильная клякса. Намочив платок, отчаянно тру пятно, но только ещё больше размазываю его.

Хватит! Прекрати, Мири! Платок летит на пол.

Эдвард обещал не ухаживать, и он держит слово. Почему же всякий раз, когда я вижу его, хочется выглядеть лучше, чем есть на самом деле? Я ведь не простила? Не простила же, да?!

В бешенстве врезаю кулаком по столешнице и сдавленно охаю: фарфоровый кувшин подпрыгивает и с грохотом летит на пол, обдавая холодной водой.

— Миранда, что у тебя?! — Эдвард врывается в комнату как ураган и растерянно замирает. — Ты что, плачешь?

Вот именно! Сижу тут в луже и рыдаю, как последняя дура. Я ничего не могу: ни с проклятиями разобраться, ни демоново пятно отмыть.

— Мири... — Рыжий опускается рядом, суёт полотенце в руки и аккуратно собирает осколки, — не расстраивайся, это всего лишь кувшин.

Он притягивает к себе, проводит ласково по волосам. И я реву ещё громче. Не хочу, чтобы он умирал, не хочу!

Тёмная магия безжалостно высасывает его жизнь день за днём, а я не в силах её остановить. Замедлить — да. Но уничтожить полностью не могу.

— Эдвард, прости, — всхлипываю. — Я бесполезная гусыня.

— Вот ещё, — рыжий насмешливо фыркает, — ты очень полезная гусыня.

— Что?! — слёзы моментально высыхают, и я возмущенно скидываюсь: — Как вы меня назвали, лэд Тьер?

— А что такое, лэди Сиал? Я только повторил ваши слова.
Невыносимый! Несносный! Рыжий!

Резко встаю, складываю руки на груди, задираю подбородок и надменно требую:

— Лэд Тьер, немедленно покиньте мою комнату. Вы не имеете права находиться наедине с незамужней лэди.

— Ох, простите великодушно, — рыжий легко поднимается, продолжая нахально скалиться, — я думал у обрученных есть послабления. Извините за вторжение, дорогая невеста, — он пятится, не прекращая паясничать.

— Вон! — рявкаю, для верности швыряя скомканным полотенцем.

Эдвард юркает за дверь, успевая в последнюю минуту. Комок ударяется, шлепается на пол, и я слышу тихий смех в коридоре.

— Мири, как успокоишься, приходи в гостиную пить чай.

Глупый, глупый рыжий! Ему бы плакать, что осталось так мало, а он шутит.

И глупая, глупая я!

Глава 3

Я работаю с проклятиями Эдварда через день. Я бы работала ежедневно, но магический откат с каждым разом всё сильнее накрывает меня, оставляя без сил. Демоновы проклятия неохотно отдают свою добычу. Одно из них — то, что связано с головой — подчиняется лучше, но второе...

После лечения Эдвард выглядит как покойник. Собственно говоря, мы оба выглядим, как два ходячих мертвеца — осунувшиеся, бледно-зелёные, с синяками под ввалившимися глазами. Настойки мэтра Лурье ненадолго возвращают бодрость, но постоянно их пить нельзя: в составе сильнодействующие травы, выжигающие магический резерв.

И если рыжему, не обладающему даром, грозит неприятное, но не смертельное привыкание, я рискую остаться «пустой», напоминая старый дырявый сапог.

— Достаточно, Мири. — Эдвард несильно сжимает мою ладонь, отвлекая.

— Ещё немножко. Потерпи, прошу.

То проклятие, что опутывает лоб и затылок Эдварда, нехотя вытягивает из виска одно из тонких щупалец. Магическим зрением я вижу, как оно дрожит, выпуская в воздух гибкие шипы-отростки, словно ищет новую жертву.

Ну, уж нет! Не в этот раз! Отстань от Эдварда, гадость!

Будто услышав, мерзкое щупальце с сухим треском лопается, отпадая. Оно подергивается на ковре, источая тошнотворную слизь, и постепенно испаряется под действием исцеляющей силы.

Боги, какая пакость! Хорошо рыжий не видит.

— Получилось! Эдвард, у меня получилось! — кричу, но вместо крика из горла доносится сдавленный шепот.

— Миранда, хватит! — Злитесь рыжий и встряхивает меня за плечи.

Глупый, он не понимает — мне удалось. Одно из неизвестных проклятий можно уничтожить. Спасибо вам, боги!

— Нам нужно прекратить это.

— Что? — переспрашиваю удивленно, взирая на него снизу вверх. Моя голова покоится на коленях Эдварда и его пальцы перебирают волосы.

— Нужно. Прекратить. Лечение.

— Почему?

Пытаюсь привстать, но откат разрастается, растекается по телу густым вязким желе, превращая в безвольную медузу. Наверное, сейчас меня запросто можно свернуть рулончиком, как кусок ткани, даже не пискну. Единственное, что остается подвластным приказам мозга — это голос и мимика.

— Именно поэтому, — недовольно бурчит рыжий, и я слабо фыркаю в ответ:

— Боги! Мой дар просто нестабилен, нужно время.

— Мири... — голос Эдварда полон затаённой нежности.

И глупое сердце неудержимо рвётся в грудной клетке, как испуганный зверёк в охотничьем капкане. Губы сохнут, я облизываю их украдкой, пойманная в ловушку чужого взгляда. Зрачки рыжего пульсируют, расширяясь, будто тьма из проклятия просачивается наружу, замещая сапфировую радужку.

Он склоняется медленно. Очень медленно.

— Нет! Не надо! — прошу торопливо. — Ты обещал.

Эдвард взрыкивает с досадой и касается лба невесомым поцелуем.

— Прости, прости, прости, — лихорадочно шепчет, а потом накрывает мои губы своими.

Близость рыжего обрушивается зимним штормом, сметает неистовым ураганом, и я глохну и слепну в круговерти эмоций, задыхаюсь от нахлынувших чувств.

Это пытка. Невыразимо сладкая, пьянящая, чувственная, со жгучим привкусом отчаяния.

Под моими закрытыми веками собираются горькие слёзы. Они тонкими горячими ручейками катятся по щекам и стекают за шиворот.

Что же ты делаешь, рыжий? Зачем всё портишь?

Эдвард отстраняется рывком, виновато вздыхает и осторожно стирает мокрые дорожки пальцами. Я чувствую его взгляд, но сама не спешу открывать глаза.

Он красноречиво молчит, и я тоже молчу. Только каминные часы безразлично отсчитывают секунды, нарушая мерным тиканьем

тишину. Воздух неровными толчками наполняет мои лёгкие, я вздрагиваю беззвучно, но не плачу.

Больше нечего оплакивать. Что-то нежное, хрупкое, беззащитное, пустившее тонкие корни в душе, окончательно умерло, безжалостно растоптанное ради минутной прихоти.

Точно так же он целовал Беатрис в ту ночь. Ночь, когда я его возненавидела.

Два года назад

— М-м-м...

Замираю на границе света и тени, невидимая. Пляшущее пламя свечей позволяет различить два силуэта в полумраке оранжереи. Мужчина высок, отблески огня золотят распущенные рыжие локоны. Темноволосая девушка обвивает его плечи руками, изгибая стан, и неровные блики ложатся на фарфорово-светлую кожу причудливыми мазками. Я вижу её лицо с полуоткрытыми пухлыми губами и учащенно вздымающуюся грудь.

Беатрис Лиаль. Троюродная кузина Эдварда.

— Эдвард, любимый, — протяжно стонет она.

Рыжий опускает голову, покрывая жалящими поцелуями шею и декольте. Его губы скользят вдоль края кружев, обводя глубокий вырез.

— Сладкая, сладкая, Трис, — хрипло шепчет, вжимая лицо в мягкие полукружья.

— Как ты мог! — Беатрис притворно отстраняется и капризно надувает губы, гибко выкручиваясь из объятий.

— Что ещё? — недовольно рычит Эдвард и дергает её на себя. Прижимает, удерживая рукой за подбородок. Та уклоняется, вертится, но рыжий настойчив.

— Почему не я? — задыхаясь, канючит она, когда долгий поцелуй прерывается.

— Милая, мы вроде бы всё обсудили, — голос Эдварда вибрирует. Большой палец нежно обводит контур припухших губ, чуть оттягивая нижнюю. — Не будем ссориться по пустякам.

— Пустяки! — Беатрис с вызовом упирается рыжему в грудь, а потом колотит по ней кулачками и злобно шипит: — Ты женишься на этой немочи, негодяй! А я? Как же я? Обо мне ты подумал?

Эдвард нехотя отпускает, отступает на шаг, раздраженно ероша волосы, и отрывисто бросает:

— А ты, дорогая моя, выйдешь замуж за того, кого подберут родители. Но я ведь не ревную, — он обхватывает её лицо ладонями и фыркает в губы насмешливо: — Вот и ты не ревнуй, кошечка. Неужели нас остановит какой-то брак по расчёту?

— Ты прав, любимый, — сладко мурлычет Беатрис и охотно подставляет шею под новые поцелуи, томно прикрывая глаза. — К демонам наречённых! Люби меня, Эдвард. Люби, как никогда не будешь любить свою сушенную моль.

— Ты сводишь с ума, Трис...

Эдвард сдавленно стонет, и резким грубым движением задирает платье, чтобы тут же ловко закинуть стройную девичью ножку на своё бедро. Смеётся коротко, гортанно и жадными пальцами стягивает тонкий шёлковый чулок:

— Плуту-овка...

— Да-а-а...

Глаза Беатрис вспыхивают злорадным торжеством. Она знает, что я тоже это вижу...

Настоящее время

Глупая, глупая Мири!

Я медленно открываю глаза и намеренно отвожу взгляд, тихо напоминая:

— Лэд Тьер, настойка...

Видеть рыжего сейчас — выше моих сил.

Нет, никогда не прощу его! Ни за то унижение, ни сейчас. И чтобы ни творилась внутри — это только моё. Я справлюсь. Уже справилась однажды, а значит, смогу снова.

Мне помогают подняться, устраивают поудобнее, нежно отводят растрепанные пряди, в мимолётной ласке касаясь лица. Я чувствую: он ищет мой взор и торопливо смыкаю ресницы. Не глядя, обхватываю губами подставленное стеклянное горлышко пузырька и глотаю жадно, гулко.

Не хочу...

Не хочу, чтобы он рассмотрел. Говорят, глаза — это зеркало души. А моя душа сейчас мучительно корчится, содрогается в пламени бездны, и тонкая корочка брони, с таким трудом выращенная за последние годы, чернеет в нём, опадая хлопьями серого пепла.

Я думала, что глупая и наивная Мири, трепетно верившая своему Эдварду, уже умерла, но нет...

Она ещё жива. И прямо сейчас баюкает в ладонях обугленный ошметок, бывший когда-то давно её любящим сердцем.

— Мири... — срывающимся голосом зовёт рыжий.

Мотаю головой. Не надо...

— Мне нужно в свою комнату. Устала.

Я слышу, как Эдвард скрипит зубами, а потом дергает шнур. Колокольчик надрывно трезвонит где-то в коридоре. После первого сеанса его перевесили, и теперь можно вызвать прислугу, не вставая с дивана.

Бухает дверь, отрывистый приказ знакомым голосом: «Лекаря для лэди, Эдварда в его покои!», и я взмываю в чужих руках.

Лэд Эмиль сладко пахнет корицей, а ещё чуть-чуть сандаловым деревом и гвоздикой. Он беспрерывно бормочет что-то успокаивающее, пока несет, торопливо перепрыгивая ступени, но я не слушаю.

Я больше не останусь с Эдвардом наедине.

Не теперь. Пока сердце так беззащитно и голо.

Всю ночь я верчусь беспокойно, то и дело вскакиваю с постели и подолгу смотрю в темное окно на своё отражение.

Но не вижу его...

Потому как вчерашний вечер разбитыми осколками встаёт перед глазами, горит на губах его поцелуями, туманит взгляд слезами обиды

и злости.

Как ты мог, рыжий? Как?!

Я ведь только-только стала тебе доверять, подпустила ближе... Только-только рискнула надеяться, что всё будет хорошо...

И так больно, так горько, так...

Глупая, глупая Мири!

Я ведь и вправду поверила, что ты изменился... И, когда всё закончится, мы действительно сможем остаться друзьями. Пусть не близкими... нет...

Но между нами не будет места ненависти и обиде, что столько дней разъедает едкой ржавчиной моё сердце.... Я устала латать его, устала бояться и ждать предательства. Я просто хочу быть счастливой, хочу верить и любить... Хочу простить тебя.

И не могу...

Я даже посмела надеяться, что ты отпустишь меня. Добровольно расторгнешь помолвку — и Королевского суда можно избежать, а значит и позора, и разгоревшихся сплетен не будет. Я смогу перевернуть эту страницу и жить дальше.

Но ты опять... опять напомнил всё то, что я тщетно пыталась забыть. Спрятать в сундук под надежный замок и зарыть глубоко. Похоронить вместе с глупыми мечтами о первой любви. Искренней, чистой, как утренняя роса, и такой же быстротечной, иссушенной огнём твоего предательства.

Я привязана к тебе долгом жизни, крепче чем якорной цепью, но тебе и этого показалось мало. Зачем ты растравил мою душу, показав, что можешь быть нежным, заботливым, любящим... близким?

Лучше бы ты оставался, как раньше, далеким пустынным миражом, лишь манящим химерами счастья, а на деле обжигающим раскаленным песком реальности.

Это подло, Эдвард! Подло и мерзко!

Мой мир снова перевернулся с ног на голову, когда ты, как безжалостный кукольник, вновь набил выпотрошенное сердце опасными иллюзиями и надеждами до отказа.

Но я справлюсь и стану сильнее.

Мне нужно как можно скорее увидеть Клару и покончить с этим делом!

Клара третий день молчит. Мои послания исчезают, но маленькое перышко-подвеска не греется, а значит ответа нет.

Находиться после случившегося в одном доме с Эдвардом невыносимо. Он пытается поговорить, я всячески избегаю его.

Завтра новый сеанс и мне нужно больше информации о тёмных проклятиях. А Клара словно онемела.

Едва окна окрашивает рассвет, я вскакиваю и пишу очередную гневную тираду:

«Кларисса Турэ! Я расцениваю ваше молчание, как позорное нарушение дружеских клятв. И если вам есть, что сказать в своё оправдание, готова выслушать. Но если вы в очередной раз проигнорируете моё письмо, я...»

Яростно кусаю перо, пытаюсь подобрать окончание фразы. Клару сложно чем-то запугать. Дочь чёрного мага в нашем «утонченном» обществе привыкла держать оборону.

И плевать, что её отец осыпан милостями короля. Плевать, что он уважаемый всеми профессор магической академии. Родовитые и не очень, приличные барышни на каждом приеме возмущённо шипят, прикрывая ядовитые языки расписными веерами: «Плод мезальянса, отпрыск безродной крестьянской девки! Никакие деньги и связи, никакие платья и уроки изящной словесности не выбьют из неё деревенщину и чёрную ведьму».

Глупые курицы всерьёз считают Клару демонским отродьем, недостойным их маленького закрытого мирка. А по мне, Клара — единственная, кто обошелся по-человечески. Единственная, кто не отвернулся. Хотя на тот момент мы даже не были близкими подругами. Боги!

«... я обижусь, Клара, всерьёз и надолго. И вообще, штурмом возьму твой особняк!»

Буквы впитываются в поверхность бумаги как масло в горячий тост.

Ну же, Клара, ответь. Я знаю, ты ранняя пташка.

Раздражённо кручу в пальцах подвеску, мысленно уговаривая её потеплеть. Хоть капельку, хоть чуть-чуть.

Демоны бездны!

Всё, лэди Турэ, вы сами напросились!

Вышвыриваю из гардероба первое попавшееся платье и спешно натягиваю один чулок. Так, нижняя юбка, корсет... Демоны, забыла про ночную сорочку. Рука застревает в узком рукаве, я путаюсь в складках, дёргая ткань и пеленаю себя сильнее.

— Д-доброе утро, лэди Миранда. Вы уже проснулись? — молоденькая темноволосая горничная удивлённо таращится на полуодетое, а точнее полураздетое подобие лэди. Яростно сдвиг с лица растрепанные пряди, сухо приказываю:

— Помоги!

Ловкие пальчики проворно освобождают от одежды. Быстрый взгляд в зеркало. Боги, это раскрасневшееся лохматое чудовище — я?!

— Как тебя?

— Молли...

— Молли, у меня полчаса, чтобы одеться. У тебя золотая монета в кармане, если справимся быстрее.

Девушка понятиливо кивает и в её глазах разгорается хищный блеск. Предметы одежды мелькают вокруг, я едва успеваю резко выдохнуть, когда горничная рывком затягивает корсет. Пуговицы на платье застегиваем в четыре руки.

Щетка дергает волосы, я шиплю. Молли испуганно ойкает. Трясу головой. Продолжай.

Пряди сами собой сплетаются в изысканную причёску, только шпильки поскрипывают, втыкаясь.

— Готово! — Молли коротко утирает пот, теребит в руках край передника.

Мы справились за двадцать минут.

— Превосходно!

В зеркале отражается молодая сероглазая особа. Светло-русые длинные локоны аккуратно уложены, на щеках румянец. Платье скромное, но изящное. Не дурнушка, но и не сногшибательная красotka. Если бы не нахмуренные брови...

— Вот твоя монета, заслужила.

Желтый кругляш на долю секунды мелькает в пальцах девушки и бесследно исчезает в многочисленных складках тёмно-синего форменного платья.

— Что-нибудь ещё, госпожа? — с тонким намёком интересуется горничная.

— Да, пожалуй. Принеси чашку чая.

Молли мнется у двери в надежде заслужить ещё одну монету.

— Поживее, — поторапливаю. На сегодня наград достаточно. — И передай моему кучеру Бору, чтобы готовил экипаж.

— Да госпожа, одну минуту.

— Герхард! — Я едва не сбиваю с ног седовласого дворецкого семейства Турэ. — Клара... Лэди Кларисса дома?

— Да, лэди Сиал.

— Срочно доложи, что ожидаю её в малой гостиной.

— Но... — лепечет дворецкий, однако я не слушаю более.

Клара дома. Значит, примет меня в любом случае.

Бросив перчатки и кружевной зонтик на консоль, вихрем несусь сквозь анфиладу комнат, распугивая слуг, на ходу стягивая летнее пальто. Швырнув его на первое попавшееся кресло, мерю небольшую уютную гостиную шагами, в нетерпении постукивая каблучком.

— Миги, чему тебя учат в твоей провинции? — невнятное ворчание Клары доносится от двери, и она входит в комнату, зябко кутаясь в стеганный бордовый халат. — Ты не находишь непиличным вгиваться в дом незамужней лэди, когда та изволит недомогать? Да ещё в такую несусветную гань.

— Клара! Я так рада!

— Тому, что болею? — Клара невоспитанно шмыгает носом и вяло стекает на диванчик.

— Боги! — В одно мгновение оказываюсь рядом.

Глаза подруги лихорадочно блестят, на щеках пылают пятна болезненного румянца, а руки холоднее синейского льда. Привычно зажмуриваюсь и сосредотачиваюсь.

Кларина простуда мне на один чих после проклятий рыжего.

— Хм, действительно, так намного лучше, — уже не таким гнусавым голосом сообщает она, когда лечение заканчивается.

Дворецкий деликатно покашливает за дверью, и Клара зовёт его.

— Светлого утра, госпожа. Рад видеть вас в добром здравии. — Невысокая сухощавая фигура мужчины почтительно склоняется.

— Герхард, для начала принесите нам много... очень много мятного чая и бисквиты. Кстати, Мири, ты завтракала?

Отрицательно качаю головой.

— Превосходно! Тогда ещё холодную телятину, ветчину, салат, поджаренные тосты, сыр, джем, масло и мёд. Демонски проголодалась! — Тёмные брови подруги умилительно сдвигаются домиком. — Пятый день валяюсь с простудой, ничего нельзя есть кроме тёплого бульона. Ещё чуть-чуть и я бы точно закукарекала.

Слуги бесшумными теньями накрывают на стол, и Клара принимается поглощать еду с отменным аппетитом. С трудом заставляю себя проглотить пару кусочков, но желудок, вспомнив о несъеденном завтраке, оказывается сильнее нервной системы. Спустя пару минут мы уже наперегонки опустошаем тарелки.

Довольно жмурясь, Клара сыто откидывается на диване и медленно отпивает глоток ароматного чая, вздыхая:

— Боги! Что ещё нужно для счастья?

— Снять проклятие, — отзываюсь с готовностью, отправляя в рот нежный тающий бисквит с малиновой начинкой.

— Всенепременно снимем, — Клара с чистой совестью утаскивает последнее лакомство и, слизывая с пальцев липкое варенье, деловито уточняет: — Какое хоть проклятие? И с кого?

Я мнусь всего мгновение, а потом выпаливаю:

— Любовное. Эдвард

— М-м-м...

Небрежным движением стряхнув крошки с халата, она некоторое время молчит, пережёвывая, а я нервно разминаю пальцы в ожидании вердикта.

Клара терпеть не может Эдварда. С её обостренным чувством справедливости, она сама бы прокляла рыжего пару-тройку раз. Но ей нельзя. Кровная клятва, связавшая чёрных магов королевства, уничтожит раньше, чем наложенное проклятие войдёт в полную силу.

— Ладно уж, помогу, — цедит нехотя наконец. — Но только ради тебя. И, прости, на твоём месте, я бы вообще с ним не связывалась. Как по мне: смерть лэда Тьера-младшего была бы прекрасным исходом для вас обоих.

— Клара! Это жестоко!

— А позорить тебя не жестоко?

Прикрываю глаза. Мне просто нечего сказать. Да, Эдвард поступил низко. И не только тогда, в прошлом... Но это не значит, что его нужно убить. Всё же смерть — слишком суровая кара.

— Может, скажешь ещё, что простила? — едко хмыкает Клара, и я качаю головой. — Нет? Тогда зачем, Мири?

— Долг жизни.

— Что-о? — Кларины глаза становятся размером с блюдце. — Сумасшедшая! — шипит она: — Совсем сбрендила от любви?

— Нет! — выкрикиваю, глотая слёзы обиды: Кларины слова режут по живому. — Нет! Нет! — повторяю срывающимся голосом: — Я не люблю его больше! Не люблю, слышишь!

Горло сводит, я вся дрожу. Крепко обхватываю себя руками, защищая от несправедливости, и бросаю зло:

— Моя любовь умерла давным-давно. А долг жизни бессмертен. Тебе ли этого не знать? — Лицо Клары темнеет. — Я не хочу, чтобы мои дети... Да, Клара, дети! И не надо так смотреть! Когда-нибудь я выйду замуж и буду счастлива всем назло! И я не хочу, чтобы мои дети или, не дай боги, внуки несли это бремя. Не хочу быть вечно связанной с семейкой Тьер.

— У-у, как всё запущенно, — Клара картинно прикрывает лицо руками. — Мири, тебе никто не говорил, что ты дурочка? Тогда я скажу. Так вот, ты - дурочка! Вовсе не обязательно связывать себя долгом жизни с этим...

— Это не мой долг.

— Тогда, хоть убей, не понимаю...

— Длинная история.

Клара многозначительно смотрит сквозь щели в разомкнутых пальцах, покачивает головой и кривит губы. Хотела бы я всё рассказать, но это действительно не моя тайна.

— Глупая, глупая Мири!

Голос Клары печален. Она вздыхает шумно, встаёт и идёт к секретеру. Шуршит бумагами, поскрипывает ящичками, ругаясь вполголоса. Затем с непроницаемым выражением кладет чистый лист и перо.

— Рисуй.

— Что? — Недоуменно хлопаю глазами.

— Рыжего своего рисуй. И проклятие его. Перо зачаровано, само меняет цвет. Только вспоминай точнее, это важно.

Глава 4

— И кто тебе сказал, что это — любовное проклятие? — ехидно вопрошает Клара, бесцеремонно заглядывая через плечо, пока рука быстрыми штрихами набрасывает поясной портрет Эдварда, стараясь не упустить ни одной детали. — Неуч, наверное, — резюмирует подруга ворчливо и отходит. — Боги, сколько папа бьётся с этими одаренными болванами, а они всё равно не могут отличить любовное проклятие от энергетической привязки.

— Ну, прости, академий не оканчивала, — в тон ей отвечаю и зачем-то оправдываюсь: — В первый раз было больше багряного, а зная рыжего...

— Ладно уж, — она снисходительно машет. — Я бы тоже решила, что это привязка на вечную любовь, но смотри...

Клара быстро тыкает пальцем в середину листа, туда, где я изобразила сердце Эдварда и чёрно-красную кляксу.

— Это паучье заклятие. Энергетический паразит, высасывающий магическую силу для своего хозяина.

— Но ведь рыжий не маг...

— Да-а... — Кларин отточенный ноготь неспешно двигается по рисунку, — но это... — она вновь стучит по заклятию, — не мешает ему собирать чужую силу.

— А над головой?

Ещё несколько томительных секунд мой рисунок пристально изучают и нехотя роняют:

— Хм, действительно, любовное.

— Значит, всё-таки не неуч? — не отказываю себе в маленьком удовольствии поддеть.

— Недоученный неуч, — царственно признают, спуская меня с небес на землю.

С Кларой легко. Не нужно изображать, можно быть просто собой. Говорить и делать, что думаешь, а не то, что положено этикетом.

Может, поэтому её не принимает даревский высший свет. Он не любит, когда кто-то столь дерзко выделяется. А уж Клару - с её

простыми манерами, привычкой говорить правду в лоб, да ещё и с вопиющим внешним видом - просто не выносит.

Подумать только, благородная девица... и обстрижена до плеч по эрнадской моде как какой-нибудь неразумный мальчишка.

Но подруге с её худощавым телосложением и живым лицом очень идёт. Её чёрные тугие кудряшки задорно обрамляют остренькое личико, подчеркивая тонкость черт и тёмные выразительные глаза. Я и сама хотела бы быть столь свободной и уверенной, но... я не Клара.

Та плюет на общественное мнение, полагаясь только на собственное чутье. Вольная пташка. А лэд Вальд всячески потакает прихотям дочери, вопреки сердобольным советам равнодушных. Чёрный маг на службе короля сам себе на уме. Впрочем, как и все ему подобные.

— И кто придумал, что девушкам нельзя обучаться в академии? Вот ты, Миранда, одна из лучших лекарей в королевстве. Не спорь! — с жаром восклицает Клара, и я послушно смыкаю губы. — Но твой удел — любовные проклятия и простуды. Зато какой-нибудь неуч с дипломом. Да, да, не надо закатывать глаза, Мири, я знаю, кого выпускают творить добро и справедливость из этих стен. Так вот, какой-нибудь неуч, помахивая бесполезной бумажкой, мнит себя великим магом. А на деле, — она небрежно сдувает невидимый мусор из щепоти, — пшик!

— Меня всё устраивает и без диплома, — привычно усмехаюсь.

Невозможность законно изучать магические науки сводит Клару с ума. Хотя ей не на что жаловаться: лэд Вальд не отказывает в знаниях. Но сам факт такой несправедливости бесит Клару безмерно.

— Он тебе и не нужен. Ты видишь проклятия, видишь саму их суть, а не просто снимаешь симптомы. Но, признай, этого мало.

— Будь моя воля, я б хотела вообще не иметь дара.

— Ах! — сдавленно выдыхает Клара, оседая на диван и хватаясь за грудь. Пару минут она очень натурально изображает сердечный приступ, но потом «воскресает».

— Если что, я этого не слышала, — тычет в меня пальцем и фыркает негодуя: — Выдумала ещё — не иметь дара! Вот представь: проклянут меня и к кому бежать? А?!

Я возвожу глаза к потолку и искренне надеюсь, что предательская улыбка не расползётся за пределы плотно сжатых губ. Мою хитрость с

легкостью разгадывают и достаивают сурового взгляда:

— А я всё вижу! Думаешь, чёрную ведьму нельзя проклясть?

Нет? То есть да! Послушно мотаю головой.

— То-то же! Ты — моя гарантия на будущее, — важно кивает Клара и вскидывает ладони, вставая: — Не питай иллюзий, дитя. Придет день, и я призову тебя...

Кхе-кхе, что?!

— Не веришь? — Хитро щурится и беззаботно отмахивается. — Ну и ладно. Потом не говори, что я не предупредила. Но вернёмся к нашим баранам. Ох, прости, проклятиям, — спохватывается «актриса», по достоинству оценив высоту, на которую взлетели мои брови. — Отдай, мне нужно подумать...

Она деловито выхватывает портрет у меня из рук и снова плюхается рядом. Посидев минутку, резво вскакивает и начинает кружить по комнате.

И пока Клара расхаживает по гостиной что-то монотонно бубня под нос, я, сама того не желая, прикрываю глаза, оживляя в памяти рисунок.

Эдвард вышел на удивление чудно: волшебное перо передало не только проклятия, но и тёплый блеск синих глаз, и рыжие задорные завитки, и легкую добрую улыбку на губах. Он улыбался как раньше: светло, открыто, искренне.

Ох, рыжий, рыжий...

Кто же ты? Неисправимый повеса, бесчестный распутник или человек, совершивший ошибку.

«А если я скажу, что раскаялся...»

Два года назад

— Лэд Тьер, посмотрите, это же... — Я самым неприличным образом подпрыгиваю на месте и тяну Эдварда за рукав.

Наша короткая прогулка по Дареву подходит к концу, когда я вижу вывеску и, забыв обо всем на свете, едва ли не силком затаскиваю рыжего в передвижной зоопарк.

— Да-да, лэди Сиал, это тот самый синейский медведь. Ну что, похож он на картинку в вашей книжке?

— Да. Боги, он огромный! И лохматый, и голубой... и-и такой милый...

— Это ещё маленький детеныш, — криво усмехается Эдвард, глядя, как я пританцовываю у магической сферы, внутри которой лениво развалился мохнатый представитель редкой живности.

Двадцать лет назад синейцы окончательно закрыли доступ на свои земли, прервав практически все связи с другими королевствами. И если раньше можно было спокойно путешествовать по замёрзшим топазово-голубым равнинам, изучать удивительные растения и животных, поражаться великолепию ледяных творений природы и купаться в знаменитых горячих источниках у горы Шуми, то сейчас всё, что осталось — картинки в детских сказках и малочисленные опусы первооткрывателей ледяного королевства.

И вот здесь, в Дареве, за тысячи миль от Синея, я вижу своими глазами настоящее воплощение зимнего чуда.

— Ма-аленький? Да он с меня ростом! — ахаю я, пожирая взглядом диковинку.

Ох, надеюсь ему там не холодно?

— Нет, — сухо смеётся Эдвард, — скорее, ему жарко.

Ой, я что вслух? Боги, стыдно-то как! Вроде почти семнадцатилетняя девица и свадьба на носу, а веду себя как маленький ребенок.

— А вот кое-кому следует укутаться получше, а то уже щёки покраснели от ветра, — мой шарф заботливо затягивают плотнее вокруг шеи и легонько касаются пальцем кончика носа.

— Ужас! — восклицаю я, хватаясь за лицо, и тут же исправляюсь: — Ой, то есть спасибо!

Сегодня у Эдварда свободный день, и я едва не лопаюсь от счастья от того, что мы гуляем вдвоем несколько часов подряд.

Мы видимся до обидного редко, урывками. Он возвращается очень поздно, когда я уже сплю. Хотя я мужественно караулю его в бордовой гостиной: из неё лучше всего видно главную дорогу к дому Тьер — я ведь живу там почти два месяца, готовясь к свадьбе.

Я сижу каждый вечер на уютном диванчике, попивая чай и выглядывая Эдварда, отчаянно борясь с дремотой и скукой, лениво

пролистывая книги из обширной библиотеки лэда Эмиля. Но всё чаще засыпаю прямо там, подложив толстый том вместо подушки и даже не чувствую, когда рыжий уносит меня в комнату на втором этаже.

А утром Эдварда не застать. Его служба в королевском дворце начинается рано, и он уезжает ещё до рассвета. Каждый день я просыпаюсь в своей постели рывком, в надежде успеть, но глотаю лишь серую влажную пыль, что неспешно оседает в глубоких следах от подков на песчаной дорожке.

Тот год выдался для нас очень тяжёлым: сразу после помолвки Эдварда безвылазно заперли в четырёх стенах военной академии на целых полгода, готовя к защите, а потом ещё на три месяца отправили на учения, но зато он стал самым молодым капитаном королевской стражи. Я так им гордилась, прямо очень-очень.

В самом начале нашей разлуки я писала ему каждый день, и, наверное, зря. Отвлекала своей болтовней, судя по нечастым коротким письмам-запискам, в одной из которых он однажды попросил об отсрочке свадьбы.

«Глупая, надоедливая Мири! Довела-таки Эдварда своей назойливостью!» — рыдала я беззвучно, стараясь, чтобы слёзы не капали на бумагу.

Я, конечно же, согласилась. И терпеливо ждала Новогодья, когда у рыжего будут каникулы. Мы встретились в праздники и договорились... перенести дату свадьбы ещё на полгода, потому что манёвры, защита и новая должность.

Неожиданно папу выбрали главой городского совета в Агре, и он вернулся в родовое поместье вместе с мамой.

А я осталась в доме Тьеров на правах невесты. И прожив там всего неделю, взвыла от тоски. Находиться в Дареве без Эдварда было невыносимо, даже несмотря на трогательную заботу лэда Эмиля.

Я уехала на север вслед за родителями и не пожалела.

Помощь маме в обустройстве, забота о сёстрах, об огромном дико заросшем, но чудесном саде, учёба аптекарскому ремеслу у мэтра Лурье, совершенствование лекарского дара — спасали от чёрной хандры.

Эдвард навестил один только раз, в начале весны, чтобы забрать меня обратно в столицу, готовиться к церемонии. К несчастью, Агата

— и так не отличавшаяся особым здоровьем — умудрилась серьёзно простыть, и мама осталась с ней, искренне печалась, что не сможет помочь с приготовлениями.

Но Эдвард заверил: его троюродная кузина лэди Беатрис Лиаль и её мать горят желанием составить мне компанию и на правах единственных близких родственниц женского пола со стороны Тьеров взвалить на себя тяжкое бремя предстоящих хлопот и предсвадебной суеты.

«К тому же, Трис — завзятая модница, так что наша Мири будет самой красивой невестой».

Боги! Он назвал меня по имени в первый раз... Я летела в столицу как на крыльях, уже зная заранее — всё будет безупречно.

Мама справится, Агата выздоровеет, и вся моя семья сможет гордиться, когда увидит какую чудесную свадьбу я организую.

Какая-то пара месяцев, может чуть больше, и я стану лэди Мирандой Тьер! Наконец-то!

Но в городе меня ожидало горькое разочарование.

По приезду Эдвард пропадал целыми днями на службе, а вместо двух лэди Лиаль меня встречала одна — Беатрис. Она была ровесницей Эдварда, может чуть младше, и очень... очень красивая. Неприлично красивая.

Боги, как жаль, что её мать, лэди Тина, не смогла приехать.

Милая и приветливая поначалу, лэди Беатрис впоследствии оказалась на редкость неприятной особой.

Правда, нужно признать, со свадьбой она действительно помогала. Если, конечно, считать за помощь бесконечные примерки под ворчание портних, что кому-то стоит меньше пробовать сладости, а то платье порвётся по шву в самый ответственный момент, выматывающие походы по цветочным лавкам в поисках экзотических растений, от запаха которых кружилась голова и нещадно свербело в носу, бесконечная суета по поводу многочисленных приглашений, составления меню, свадебного путешествия.

Иногда мне казалось, что лэди Лиаль организует не мою, а свою собственную свадьбу.

Но не только это выводило меня из себя. О, нет...

Вопреки всем усердным стараниям близкой родственницы Тьеров угодить «капризной и взбалмошной невесте», мне с трудом, но

удавалось отстаивать свою точку зрения. За что я регулярно получала изрядную порцию гадостей под соусом «бескорыстной» заботы о несмышлёной провинциалке. Правда делалось это исключительно наедине, в присутствии Тьеров мне улыбались мило и пели дифирамбы каждому слову.

С таким вопиющим лицемерием в близком кругу я раньше не сталкивалась и порой просто не знала, как себя вести.

Но ещё больше меня потрясло иное: когда лэди Беатрис думала, что никто не видит, она буквально ела Эдварда взглядом, облизывала с головы до ног без стеснения, словно самое сладкое в мире лакомство и это было... противно и мерзко.

Я негодовала, кипела от злости. И однажды не выдержала — пожаловалась рыжему на неподобающее поведение его родственницы. Но получив довольно прохладную отповедь и пожелание «поменьше придумывать и не выискивать поводов для ссоры, тем более Трис старается изо всех сил, устраивая нашу свадьбу», отступила, не желая провоцировать скандал и начала всячески избегать лэди Лиаль.

Слава богам, лэд Эмиль стал моим спасением и, по сути, единственным человеком, с которым было приятно общаться.

Но не только поступки Беатрис выводили из себя.

После нескольких приемов, к своему ужасу и стыду, я узнала, что в даревском высшем свете меня давно считают легкомысленной вертихвосткой, которая без зазрения совести морочит голову «бедному лэду Тьеру, то и дело оттягивая светлый миг законного единения сердец под сенью храма Всех Богов, и оттого милый Эдвард так печален и редко навещает прекрасных дам в последнее время».

«Милый Эдвард» редко навещал не только прекрасных дам, но и собственную невесту. А она еженощно обильно смачивала слезами подушку, не понимая и не принимая перемен, что в нём происходили.

Ведь на первый взгляд рыжий оставался таким же любезным и вежливым как всегда, но что-то тёплое, доброе, близкое ушло, растворилось в даревском тумане. И всё чаще между нами в воздухе повисала сухость формальных фраз, отстранённость и странная недоговоренность.

Демоны! Я даже подумывала порой, что милый и любящий Эдвард мне приснился, а утром он растаял вместе с остатками дрёмы.

Но я упорно гнала эти мысли, в глубине души страшась, что они станут явью.

Но бывали дни, когда горькая пелена тумана рассеивалась, пронизанная тонкими золотыми лучами, и тогда рыжий становился моим личным солнцем, согревая теплотой и нежностью. Жаль, это случалось также редко, как и в настоящей жизни.

Я ждала нашей свадьбы, считая часы и минуты, твёрдо уверенная — после всё обязательно наладится. Мы уедем и будем счастливы. Только вдвоём. Я и Эдвард.

И за три дня до церемонии, мне улыбнулась удача: я нагло и беспринципно украла своё светило, чтобы греться в его лучах единолично.

Мы гуляли по столице, лакомились пирожными в уютном кафе, катались на лодке по каналам, и вот сейчас он нежно обнимает меня, поправляет шарф и, несмотря на промозглый холод затяжной весны, я таю, как льдинка на солнце. Таю, чувствуя ласковое прикосновение его губ к щеке... к губам... м-м-м...

Настоящее время

— Ты вообще меня слушаешь? — возмущенное фырканье над ухом выдёргивает в реальность.

— Д-да...

— Ви-ижу, — злится Клара. — Опять витаешь в облаках. Думаешь, рыжий проникнется твоей великой жертвой и оценит?

— Не знаю...

Действительно не знаю. Он требовал прекратить лечение, а я не могу отступить. Не сейчас. Главное, не оставаться наедине. Больше не хочу, чтобы он обнимал меня, целовал...

Или хочу?

Задумчиво трогаю лицо. Забыв, что не одна, скольжу подушечками пальцев по губам, вспоминая его прикосновения. Лёгкие, невесомые, нежные.

— Безнадёжно...

Вздвогнув, поднимаю глаза.

— Мири, любят не сердцем, а этим... — Клара чувствительно стучит по моей макушке. — Глупое сердце — просто полый мешок, гоняющий кровь. Хорошо, — не дает возразить, — ещё источник магической силы, не более. Так что все эти ахи-охи, трепещущие декольте и прочая лирическая чушь к настоящим чувствам не имеет ни малейшего отношения.

— Ты — бессердечное чудовище! — констатирую я практически с восхищением.

— Нет, я сердечное, — самодовольно возражает Клара. — Очень сердечное. Иначе не стала бы возиться с этим... — она машет рукой с портретом. — Обещай, что не бросишься в омут с головой.

— Обещаю.

— Глупая, глупая, Мири! — подруга качает головой. — Да и я не лучше.

Глава 5

Клара доводит до экипажа, ждёт, пока я устроюсь на сидении, и торопливо суёт небольшую книгу в розовой обложке с цветочными завитками.

— Мне нужно время, — вздыхает, нервно разминая пальцы. — Я не знаю: может день, а может неделя. Прошу тебя, Мири, будь осторожнее. С любовным проклятием делай что хочешь, но паучье не трогай. Насколько я поняла, сейчас оно спит и ждёт своего часа. Если его разбудишь... — замолкает, хмурясь и кусая губы.

— Не переживай, до него я ещё не добралась.

— И слава богам! — облегченно выдыхает Клара и хлопывает себя по бокам, чтобы выудить из глубокого кармана халата пару крошечных пузырьков темного стекла. — Вот, из запасов отца. Три капли на стакан воды и будешь как новенькая. В книге немного теории, на всякий случай, только...

— Спрячу надёжно, — заверяю, быстро убирая подарки в ридикюль.

— Ты умница! А это... — мою ладонь перехватывают и на неё серебристой змейкой ложится тонкая цепочка. — Надевай её на рыжего, когда лечишь.

— Зачем?

— Я что, зря тебя похвалила? — фыркает Клара с загадочной усмешкой, обнимает крепко и отпускает, захлопывая дверцу. — Береги себя.

— И ты! — успеваю выкрикнуть, прежде чем та отскакивает от кареты и ныряет в дом. — Трогай, Бор! — Стучу концом зонтика в крышу и откидываюсь на изголовье.

Пора возвращаться. Лечение Клары отняло совсем немного сил, но откат накроет в любую минуту. Лихорадка, конечно, не проклятие, однако качественную головную боль способна обеспечить надолго. А мне ещё вечером с рыжим разбираться.

Клара настаивает, чтобы я не лезла к паучьему заклятию. Даже не собираюсь. Просто попробую осторожно разделить питающие потоки,

ослабить тёмную паутину. Может тогда проклятие Эдварда удастся снять.

Весь оставшийся день безвылазно сижу в комнате, изучая Кларин фолиант. Рыжий не беспокоит, и это радует. Только Молли приносит подносы с едой, но они остаются нетронутыми: я слишком увлечена, чтобы отвлекаться на набивание живота.

Под легкомысленной обложкой, больше подходящей дамскому роману, оказалась занятная книга: «Краткая теория наложения тёмных проклятий».

И она только подтвердила мои опасения. Помимо магической энергии, чёрные маги не брезговали поживиться и жизненной. Да что там, практически любой человек мог использоваться ими в качестве бесперебойного источника силы.

Правда с небольшими оговорками. Все должно происходить незаметно и иметь естественный вид.

Книга сплошь и рядом пестрела поучительными историями о том, как некоторые глупые и жадные тёмные «дровосеки» топорно и резко обрубали эфирные и витальные потоки, одним махом пополняя собственный резерв. И горели на этом в отличие от «ювелиров».

О, те действовали не в пример осторожнее: аккуратно и нежно дырявили каналы и любовно формировали новые — тонкие, едва заметные ручейки-пуповины для своих артефактов.

Свежесозданные потоки крепко связывали с самыми яркими эмоциями для регулярной подпитки. Чёрные маги виртуозно доводили чувства проклятых до абсолютного максимума, раскачивая их на своеобразных «качелях».

На пике, когда человек не владел собой, уходя во все тяжкие — кормежка артефактов чистой силой или энергией, на спуске — короткий отдых, чтобы дать жертве собраться с духом. И так бесконечно... Точнее, до последнего вздоха жертвы.

А там уже новая не за горами.

Маги тьмы хитро играли с людскими пороками, безошибочно вычисляя те, к которым имелась наибольшая склонность.

Ох! Кручу головой, разминая затёкшую шею. Потом встаю, иду к окну. Несколько минут перекатываюсь на носочках, восстанавливая кровообращение и задумчиво наблюдая, как садовник обрезает заросшие кусты, придавая им геометрические формы.

Получается, у рыжего тяга к распутству в крови... М-да, интересно, как давно у него проклятие? Возможно, оно было ещё до того, как я всё узнала? Тогда многое встаёт на места. Я могу оправдать поведение Эдварда, дать ему ещё один шанс, но...

Демоны! Не было у него проклятий, то-то и оно! Не было и быть не могло, иначе я или мама точно увидели бы.

Нервно растираю лицо и запускаю пальцы в волосы, выдирая шпильки. Встряхиваю головой и, резко развернувшись, марширую к столу, с размаху падая на стул.

Боги, Мири, нет смысла искать чёрную кошку в тёмной комнате, тем более, когда её там нет!

В любом случае, я обязана исцелить рыжего, чтобы остаться в живых. А значит нужно штудировать теорию дальше и выбросить посторонние мысли из головы.

Как и предполагала, ювелирный способ оставался самым излюбленным у тёмных: даже если вскрывалось наличие посторонних каналов — все они вели к безымянным артефактам.

К заклинаниям, подобным паучьему, обращались редко: слишком велик риск раскрыться или того хуже — создать двухстороннюю связь, способную выдоить более слабого подчистую.

Слава богам, те времена давно прошли.

Сейчас маги тьмы варятся в собственном котле и рассчитывают только на изначальные силы, существенно ограниченные при том кровной клятвой. Любое поступление силы или энергии извне сурово карается: печать выжигает резерв похлеще настойки бодрости. И чем больше дармовой кормежки, тем быстрее наступает смерть «голодающего».

Правда в случае с проклятыми артефактами всё неоднозначно, ведь накопленная и сохраняемая ими магия не имеет «лица». Скрупулёзно очищенная от всего, что выдает её человеческую природу, она по сути — чистейшая квинтэссенция могущества. Но в конце концов и эту лазейку для тёмных «прикрыли».

Теперь только добровольно отданная сила или энергия может пополнить резерв чёрного, да и то, лишь в минуту смертельной опасности. К тому же магам тьмы строжайше запрещено творить злонамеренные заклинания — кровная клятва жёстко отслеживает нарушителей и в зависимости от проступка наказывает: начиная от медленного и мучительного выжигания резерва, буквально по крупице сводящего с ума, и заканчивая мгновенной, но очень болезненной смертью.

Да, сложно быть чёрным магом в нашем королевстве.

Сложно, но они всё равно есть и пакостят по мелочи. Правда мелочи — это в их понимании. Взять хотя бы те же любовные проклятия — просто кара богов для обычных людей. Их снимать невероятно трудно, слишком много всего намешано. Иногда даже сам проклятый не понимает, что с ним происходит.

Но если аккуратно и педантично распутать этот плотно свитый клубок из своих и привнесённых эмоций, мыслей, образов и желаний, да ещё найти пуповину... Хм!

А это идея!

Деликатный стук в дверь застал меня врасплох: я увлечённо чертила схемы потоков, пронизывающих паутину Эдварда, пытаюсь понять, какие именно части нужно отсечь, чтобы не повредить внутренние органы. Ведь рыжий не маг, а значит проклятие пожирает его жизненную силу. Если резать единым махом — большая вероятность лишиться тела естественной подпитки и, не дай боги, задеть паучье заклятие.

Мой стол живописно завален кучей исчерканных листов, а пальцы покрыты темно-синими кляксами. Не удивлюсь, если подобные кляксы цветут буйным цветом и на лице. Дурную привычку грызть перо и тереть нос в задумчивости не могу побороть с детства. Мама частенько потешалась над «чумазым котёнком», приносившим ей свои первые творения на суд. Хорошо хоть в голос не смеялась.

— Миранда, можно?

— Д-да, минуточку! — Я сразу узнаю голос лэда Эмиля и вскакиваю.

Быстро сгребаю в кучу опасное содержимое и прячу в одном из выдвижных ящичков. Наведя относительный порядок, оставляю на видном месте только книги, принесенные Тьером-старшим. В них

совсем немного информации о тёмных проклятиях, поэтому можно смело вернуть законному владельцу — королевской библиотеке. Всё равно ничего архиполезного не почерпнула, по сравнению с Клариной теорией.

Распущенные волосы падают на лицо, пока я вожусь, судорожно оттирая вездесущие чернильные пятна, а после безуспешно пытаюсь собрать локоны в пучок, то и дело роняя шпильки под недвусмысленное приглушенное покашливание.

Кое-как собрав неряшливый узел на макушке, сдуваю оставшиеся пряди и спешу к двери. Томить лэда Эмиля и дальше не рискую, всё-таки он — хозяин, а я — гостя.

— Извините, что заставила вас ждать, лэд Тьер. — Приседаю в почтительном реверансе, как того требует этикет, пряча не до конца отмытые пальцы под складками ткани.

— К чему эти расшаркивания, дорогая? — Меня подхватывают и поднимают. — Оставим условности для посторонних. Мы же не чужие люди, — чуть укоризненная улыбка, и я вынужденно киваю в ответ.

Да, мы не чужие... Но и не родные.

Лэд Эмиль так и доводит меня до кресла у камина под локоток и заботливо усаживает, но сам садиться не спешит: делает круг по комнате, заложив руки за спину. Возвращается к столу, просматривает книги и перекладывает их в неровные стопки в одной ему известной последовательности.

— Ответь, только честно, Миранда. Не нужно меня жалеть, — огорошивает внезапно. — Эдвард будет жить?

— Я стараюсь, лэд Тьер. Делаю, всё, что в моих силах.

— И как получается?

Как получается?! А как получается? Да никак пока не получается! Одно несчастное щупальце и бездна потраченных сил. Но я не произношу этого вслух, разумеется.

— Есть положительные сдвиги, — осторожно начинаю, — но мне нужно ещё немного времени...

Которого нет, если Клара не найдёт что-то дельное. И отцу рыжего лучше об этом не знать.

— Проклятие Эдварда оказалось чуть сложнее, чем я полагала в начале. Но я справлюсь, лэд Тьер, — рапортую неестественно бодро,

прилагая титанические усилия чтобы не ерзать под тяжёлым испытующим взглядом.

— Дай-то боги, Мири! — с надеждой выдыхает Тьер-страший и опускается в кресло, напротив. — Признаться, я надеялся, что приедет Лианна...

— Мама научила меня всему, что знает сама, — сухо перебиваю, невольно сжимая подлокотники. — Клянусь, я избавлю вашего сына от проклятия, можете не переживать.

Я ведь тоже хочу жить. Очень-очень хочу! А демонский долг не оставляет пространства для манёвров.

— Прости... — Моих напряженных пальцев мимолётно касаются. — Ты чудесный лекарь, Мири. Эдварду очень повезло с невестой.

Невеста...

Мне не хочется говорить, но я должна.

Когда-то давно лэд Тьер спас жизнь моему отцу, и я до последнего вздоха буду ему благодарна. И не только я — вся наша семья, которой бы просто не было, если бы не лэд Эмиль.

Тот дозор был последним. Уже следующим днем они вместе с папой должны были вернуться в столицу... Но на пути в гарнизон на отряд желторотых юнцов-выпускников военной академии напали сбежавшие из рудников тёмные.

Преступникам нечего было терять, поэтому они не церемонились. Завязалась битва, в которой не щадили никого. Отрядные маги не справлялись: запас артефактов у чёрных, казалось, не иссякал, а подмога всё не приходила и не приходила. Смертельные проклятия безостановочно летели одно за другим, защитные доспехи трещали, рассыпаясь в пыль. Люди гибли под градом заклинаний: кто-то сгорал на месте, кого-то буквально выворачивало наизнанку, кого-то разрывало на части. В папу попало проклятие тысячи лезвий...

Боги! Если бы лэд Эмиль не оттолкнул его, принимая основной удар на себя...

Я не знаю, как маме удалось спасти их обоих, мне не рассказывали, но папа тогда поклялся вернуть долг жизни.

Поэтому сейчас, несмотря ни на что, я спасаю рыжего, точно также балансирующего на тонкой грани между жизнью и смертью, как и его отец когда-то.

И да, меня мучает совесть, ведь лэд Эмиль искренне радуется, видя нашу игру в дружбу.

А то, что я скажу сейчас, окончательно разобьёт его сердце. Но у меня просто нет иного выхода...

— Лэд Тьер, эм... — Кусаю губу и отвожу глаза, собираясь с духом. — По правде говоря, я хочу попросить вашей помощи в расторжении помолвки.

Ну вот и всё! Я сказала это.

— Н-но... Как же? Почему?

Он нащупывает кувшин и, не глядя, плескает воды в хрустальный бокал. Выпивает залпом, а после хватает за руку, с тревогой всматривается в моё лицо:

— Эдвард что, обидел тебя?

Обидел... Горло сковывает удушливым спазмом, а рот моментально наполняется едкой слюной. Я пытаюсь проглотить, но это слово распирает гортань, упорно цепляясь острыми шипами.

Обидел? Нет, не обидел.

Растоптал, унизил, уничтожил, превратил в горстку пепла. Опять...

Устремив взгляд в потолок, до боли прикусываю щёку, и пока тёмные квадраты кессонов расплываются перед глазами, мысленно твержу, задыхаясь: «Не заплачу, ни за что не заплачу! Рыжий не достоин моих слёз. Пусть женится на своей «сладкой, сладкой, Трис»! Вот уж кто для него идеальная пара! Пусть целуются и обнимаются хоть целую вечность. Мне плевать!»

Боги, почему же так горько?!

— Не по-ни-маю... — бормочет Тьер-старший на грани слышимости, методично сжимая мою ладонь. Отнюдь ласково, стоит заметить.

Я кривлюсь от боли, но похоже, мою гримасу истолковывают по-своему, продолжая стискивать.

— Мири, ты испугалась тогда, да? Я не осуждаю. Поверь, ни я, ни Эдвард не злимся... Все боятся, ведь брак — это очень... очень серьёзный шаг. Но мы же всегда хотели породниться, правда? Тебе просто нужно было больше времени, чтобы свыкнуться с мыслью. Прости, что сразу не поняли, давили на тебя...

Давили? Ожесточенно мотаю головой. Боги, да я готова была выйти за рыжего в день помолвки, это он тянул со свадьбой.

— Нет? — Растерянно моргает лэд Эмиль и его брови недоуменно сходятся на переносице. — Тогда что?! Ты боишься, что думают в обществе после твоего побега? Да, боги с ними! Пусть думают, что хотят! Главное, вы с Эдвардом счастливы. Я так радуюсь, видя, как вы сблизились... Вы ведь счастливы, Мири, да? Снова нет?! Но, почему? Эдвард любит тебя...

— Кхм. — С трудом освобождаю ладонь и проталкиваю-таки комок в горле. — Простите, лэд Тьер, мне не хочется вас разочаровывать, но... ваш сын никогда не любил меня. Увы, — развожу руками.

— Но как же...

Лэд Эмиль теряет окончательно и на лице его проступает обида, как у ребёнка, которого поманили подарком, а вместо этого ещё и ограбили, отобрав игрушки.

— Он должен был полюбить! Понимаешь, Мири? Должен был! — выпаливает он возбужденно. — Мне обещали...

— Что-о?! Кто обещал? Что вы сделали?

— Я-я не то... хотел... — Лэд покрывается пунцовыми пятнами, вскакивает, отшатываясь, но я успеваю вцепиться в его руку. — Т-ты меня не так... п-поняла... — беспомощно лепечет, переводя испуганный взор с наших рук на моё застывшее лицо.

— Лэд Тьер! Что! Вы! Сделали? — повторяю жёстко, и моей хватке позавидует капкан на медведя.

Отец рыжего долгое мгновение ошалело моргает, а потом как-то разом оседает без сил.

— Старый дурак! Безмозглый осел! — обречённо шепчет, с протяжным стоном роняя голову на грудь.

Моё сердце тревожно сжимается, я отпускаю мужскую ладонь, соскальзываю на пол и мягко зову:

— Лэд Эмиль, расскажите мне всё.

— Мири, Мири...

Моё лицо обхватывают, едва касаясь кончиками пальцев, смотрят в глаза долго-долго, отчего я краснею и пытаюсь ненавязчиво вывернуться. Кончики тонких губ дарят печальную улыбку и мне дают свободу, мимолётно пройдя костяшками по щеке.

— Ты так похожа на...

Да, знаю. Я копия мамы. Тьер-старший устало прикрывает веки, невесело усмехаясь своим мыслям.

— Я просто хотел, чтобы Эдвард был счастлив, в отличии от меня, — наконец произносит он очень тихо. — Хотел, чтобы у сына было то, чего я по глупости лишился.

Т-ш-ш, Мири, спокойней. И ради всех богов, молчи! Любое слово... да что слово — едва слышный вздох — разрушит то странное состояние, в которое погрузился отец рыжего.

Ему плохо. Очень плохо. Сердцем чувствую.

Я уверена, мне точно не понравится, что услышу, но отступить уже поздно...

Тьер-старший бездумно водит ладонью по моей голове, рассеянно пропуская свободные пряди сквозь пальцы. В этой ласке нет ничего постыдного, так гладят собственное дитя, утешая.

— Расскажите, — чуть слышно прошу, когда его рука безвольно падает.

Пустой, немигающий взгляд мужчины устремлён в бесконечность, но услышав мой шёпот, он резко встряхивается, смаргивает удивленно и, решившись, со вздохом начинает рассказ.

— Мы с Витором, наверное, останемся самыми бестолковыми и нерадивыми студентами в истории академии. Помнится, наставник Редс сломал немало палок, вдалбливая в пустые головы знания, но в ту пору наши умы занимала не тактика и стратегия, не военное дело, а дамы и кутежи. Боги! — тихо хмыкает он под нос. — Жаль, Редс раньше не догадался привезти двоюродную племянницу, тогда нашим спинам досталось бы меньше. Лианна, твоя мама... — на мгновение запинается и на губах его проступает мечтательная полуулыбка, — ... хрупкая, нежная, утонченная словно зимняя роза. И такая же неприступная, гордая, несгибаемая. Она едва не положила конец нашей дружбе. Мы влюбились в неё как мальчишки, потеряли голову. Спорили, кому же она достанется, кто сорвет её... Кхм... Идиоты! — Рот лэда кривит издевательская усмешка. — Не понимали, что Лиа — особенная. Ух, как она нас дрессировала... — в его голосе сквозит неприкрытое восхищение, а затем снова печаль. — М-да... Но рано или поздно всё заканчивается. Наставника Редса перевели в дальний

гарнизон, он уехал вместе с семьей. И Лиа забрал с собой. У нее ведь вся родня погибла. Да ты и сама знаешь...

Знаю. Ближайшие родственники по маминой линии погибли от чёрной магии, только она выжила. Её спас дар. Тот, что позже перешел ко мне.

— Мы смогли протянуть без Лианны неделю, — новая печальная усмешка. — Рванули за ней. Благо, средства позволяли выбрать место практики. Родители бушевали, когда узнали, что вместо дворца их непутевые чада собрались на Дриарскую заставу. Витор уговорил своих первым и уехал раньше. Мои требовали сначала заключить помолвку. Но мне не нужна была невеста. Мне вообще никто не нужен был, кроме Лиа!

Он резко рассекает рукой воздух, и я вздрагиваю. Да, эту часть истории я слышала от родителей. Долгими зимними вечерами они любили вспоминать о бурной юности, попивая глинтвейн у камина. Но я никогда и не думала, что лэд Эмиль был так отчаянно, безнадежно влюблен в маму.

— Я опоздал, — горько вздыхает он. — Лиа сделала свой выбор. И я рад. Веришь, Мири? Я рад, что Витор оказался настойчив. Смог отстоять свою любовь перед всеми. Лианна была самой прекрасной на свете невестой, — глаза лэда туманили картины прошлого. — Ты — её дочь. Я всегда мечтал, чтобы у меня была дочь. Такая же как Лиа.

— Но, я — не мама... — замечаю осторожно.

— Конечно. Ты — это ты, Миранда, — мои пальцы нежно сжимают и целуют. — Я надеялся, Эдвард...

— Исполнит вашу мечту?

— Нет, нет. Эдвард... Он не такой как я... Точнее, — Переносицу мужчины рассекает глубокая морщина. — Он такой, каким я был, до встречи с твоей мамой.

— И вы хотели, чтобы он изменился?

Тьер-старший, помедлив, кивает.

— Лэд Эмиль, разве можно заставить кого-то любить? — спрашиваю напрямик.

Тот замирает как от удара и только в глазах теплятся искры жизни. Или слёзы... Не знаю.

Тихонько поднимаюсь, сажусь, сплетаю пальцы. Сердце щемит от грусти, от горечи, от чужой несбывшейся надежды.

Да, так бывает. Иногда родители мечтают воплотить в детях то, что самим не удалось. Но нам, детям, от этого не легче. Я тихо жду. Это важно. И не только для меня. Для отца рыжего тоже.

— Нет... — охрипшим голосом вдруг отвечает он. — Нет, нельзя. Я и сам не смог.

— Вы прокляли Эдварда?

— Что? — Лэд вздрагивает, встряхивает головой. — Нет, нет! Как ты могла подумать?

— Тогда что? У Эдварда любовное проклятие.

— Я давал ему приворотное, — с отчаянием признаётся Тьер-старший, сдавливая виски и морщась.

Любовное зелье! В них я совсем не сильна. Единственное, знаю: зелья действуют на ауру иначе, чем проклятия. И с последствиями нужно идти к аптекарям, иногда к алхимикам. У рыжего совершенно точно проклятие. Не говоря уже об пауке-паразите.

— Вы помните, что это было за зелье? Как оно называлось? — Лэд обречённо мотает головой. — А кто его сделал?

Мэтр Лурье может помочь. Он прекрасно разбирается в травах и если осталась хоть капля...

— Герцог Эссен... — едва слышно произносит отец рыжего, и я не могу удержать приглушённый вопль:

— Боги! Брат короля!

Глава 6

Сказать, что я в растерянности, — значит ничего не сказать. Я раздавлена. Новость, что рыжего опоили приворотным, меркнет перед новостью, кто это самое приворотное сделал.

Кристиан Эссен Туав. Незаконнорожденный брат его величества Вильяма Туав, признанный бастард. Самый чёрный из чёрных магов королевства.

Его отец, герцог Эссен, давший внебрачному отпрыску короля Эдмунда имя и титул, обвинялся в измене, в попытке сместить самого Эдмунда и освободить чёрных магов от кровной клятвы.

Это было давно, но отголоски той смуты до сих пор будоражили умы тёмных. Вроде прежний герцог Эссен собирался провести какой-то жуткий ритуал, чтобы сломить печати. Его схватили прямо во время обряда с занесённым ножом над телом молодой девушки.

Была большая шумиха. Всех чёрных магов королевства согнали во дворец, чтобы усилить действие клятвы. Тогда-то и вскрылось, что сын герцога вовсе не его по крови. Король не смог казнить своего отпрыска. Наоборот, приблизил его ко двору, оставил титул опального герцога. Кристиан прошел испытание и амулет семьи Туав показал — мальчишка ни разу в жизни не пользовался тёмной силой.

Старому герцогу отрубили голову. Всех, кто был причастен к заговору, лишили магии и закрыли в Дриарских горах, печати обновили, бастарда признали, назначили опекуна. И всё королевство постаралось как можно скорее забыть о случившемся.

Сейчас Кристиан Эссен правая рука короля, его верный соратник и глава магического совета. Второй по влиянию человек в государстве. Тем более не понятно, зачем ему понадобилось делать приворотное зелье для лэда Эмиля.

— Лэд Тьер, почему именно он?

— Эмма приходилась дальней родней Эссенам. Пока она была жива, мы поддерживали отношения. Я просто не знал к кому обратиться.

— И что, разве это не вызвало никаких... эм... неудобных вопросов?

— Конечно, он расспросил. — Отец рыжего кривится, как от зубной боли. — Я бы даже сказал с пристрастием. Но как только узнал, для кого зелье, согласился.

— Вообще-то привораживать запрещено.

— Что не позволено простым смертным... — негромко произносит лэд Тьер, и я мысленно продолжаю: «... позволено королям. Или их незаконнорожденным братьям».

— Мири, ты спасёшь Эдварда? — Мои ладони опять сжимают, глядя с болью и надеждой.

— Ваш долг жизни на мне, — издаю грустный смешок, — так что отсидеться в укромном месте не получится.

— Светлые боги! — Лэд Эмиль хватается за голову, мученически возведя глаза. — Лианна не простит меня никогда!

— Простит. Она ничего не знает, — успокаиваю, машинально массируя переносицу.

Как всё запутанно: любовное зелье, проклятие, паук... Ещё и герцог Эссен на горизонте.

Кому ты насолил, рыжий, что все на тебя ополчились?

Некоторое время собираюсь с мыслями, пытаюсь продумать дальнейшие действия. Положим, с проклятием я разберусь, придётся основательно покопаться у Эдварда в голове, но... Демоны! Мне так не хотелось туда «нырять» и не только потому, что опасно.

Теперь, помимо пуповины, нужно искать якорь.

Теоретически, сварить приворотное может любая кухарка, но правильно подействует зелье только после определенного ритуала, в котором используют не только хм... части тела привораживаемого — волосы, ногти или кровь, но и секретный ингредиент — магию. Она и служит тем самым «якорем», удерживающим приворот, за счет вплетения в витальные потоки тела.

Объективно, я немного разбираюсь в зельях и настойках, спасибо мэтру Лурье. Но он никогда не учил меня ничему запрещённому, к тому же, как и в любом деле, к аптекарству нужен особый талант. Я же ничем не отличаюсь от кухарки в этом вопросе. И всё-таки придётся попробовать.

Боги, если бы рыжий был магом, было бы на порядок проще, но он — обычный человек, без дара.

Как же мне не хватает знаний! Теперь я понимаю злость Клары, что девушек не берут в академию. Да, я подтвердила свой уровень силы, иначе мне не позволили бы заниматься лечением. Но это не одно и то же, что пройти полноценное обучение. И пресловутая бумажка-диплом не только и не столько символ.

— Мне понадобится ваша помощь... — В голове наконец созревает жалкое подобие плана.

— Всё, что скажешь, Миранда! — живо откликается лэд Эмиль. Он даже привстаёт от волнения, готовый бежать сию секунду, куда укажу.

Но я машу рукой, осаживая, и отец рыжего вновь занимает своё место.

— Для начала, попытайтесь достать то самое зелье, которое вы подливали Эдварду. — Я поднимаюсь и иду к столу, разбирая аккуратные книжные стопки.

Кажется, мне что-то подалось про связку проклятия и любовного зелья. Вспомнить бы только где именно? Перед глазами мелькают страницы, и я быстро пролистываю их, бегло скользя по строчкам.

Вот оно!

Так, «...якорем для привороженного служит яркое чувство, задевшее струны души. Причем не важно какого толка будет означенное. Как показывает практика на отрицательных чувствах получаются самые качественные привороты, которые действуют сильнее и держатся дольше. Самая лучшая связка — ...»

Из меня будто разом вышибает весь воздух, и я хватаю открытым ртом, не в силах вдохнуть.

— Что там, Мири? Что ты нашла? — Встревоженно подрывается лэд Эмиль, но я скидываю руку и беззвучно качаю головой. Не сейчас.

Поздравляю, Миранда! Твоя сказка окончательно разлетелась вдребезги. Больше не нужно выдумывать рыжему оправдания.

«А ты чего ожидала, глупая? Неужто и вправду верила, что рыжий любит тебя?» — раскаленной булавкой колет внутренний голос. — {Нет, вот же ясно написано: Самая лучшая связка — ненависть...»

Как же просто, боги. Рыжий меня ненавидел. И всё равно сделал предложение. Теперь понятно, почему он не считал брак по расчету

серьёзным препятствием для шашней с Трис.

Дура! Какая же ты дура, Миранда Сиал.

Книга падает на пол, а я цепляюсь за стол обеими руками, чтобы не упасть вслед за ней, кусая губы, и сдерживая набежавшие слёзы.

«А теперь ты прочно связана с человеком, который ненавидит тебя. И всегда ненавидел...»

Меня захлестывает ледяная волна и тянет на дно в беспросветную тьму. Боги! Как же больно!

— Как... Часто... Вы... Давали... Приворотное... Лэд Тьер?.. — я выталкиваю слова с трудом. Язык не слушается, а голос звучит глухо словно из-под воды.

— К-каждый месяц...

— Даже... Во время... Учебы?..

— Д-да... Я подливал его в вино. Последний раз, перед твоим приездом.

— Ясно...

Теперь мне ясно. Годы он поил рыжего этой дрянью. Я скребу столешницу ногтями, пытаюсь справиться с отчаянием. Всё кончено, Мири! Надежды нет.

— Миранда, что происходит? Что ты прочитала?

На мои плечи ложатся чужие горячие руки и это прикосновение обжигает, выдёргивает за шиворот из темноты.

Довольно! Минута жалости к себе закончилась. Хватит думать, нужно делать то, за чем я приехала.

— Ничего важного, лэд Тьер. — Небрежно передергиваю плечами, сбрасывая его пальцы. Затем склоняюсь за книгой, поднимаю её, прижимаю к груди, отворачиваясь к камину.

Без четверти семь... Считанные минуты до очередного сеанса.

— Мири?

— Всё хорошо, лэд Тьер. Скажите Эдварду, что я буду в бордовой гостиной в семь. Как обычно.

— Хорошо, девочка моя, — мужчина за моей спиной грустно вздыхает и добавляет: — Мне так жаль...

— И мне... — отвечаю эхом.

— А может...

— Нет. — Медленно сажусь на стул, не отрывая взгляд от часов.

На моих глазах секунды тают в вечности, уводя за собою минуты, а те — часы и годы. Годы, когда я хранила безумную мечту, скрывая её даже от самой себя. Боги!

— Мне не нужны фальшивые чувства, — выговариваю скрипуче, когда секундная стрелка проходит три оборота. — Я избавлю вашего сына от проклятия, а вы избавите меня от помолвки.

Тьер-старший ничего не отвечает, вздыхает скорбно и уходит. Я слышу его тяжёлую поступь, но не поворачиваю головы.

Откладываю ненужную более книгу в сторону и прячу заледеневшие пальцы в карманы платья, с удивлением нащупывая металлическое плетение в одном из них.

Цепочка Клары! Я про неё совсем забыла!

Часы над камином пробивают семь раз и металлический звон неприятно режет слух, когда я встаю механической куклой.

Пора...

Сунув цепочку обратно в карман, спускаюсь в бордовую гостиную — с первого вечера её отдали под наши сеансы. Поколебавшись на пороге мгновение, открываю дверь и вхожу, высоко подняв подбородок.

Эдвард стоит у окна, спиной ко мне. Услышав скрип, оборачивается и впивается острым взглядом. И так много всего в этих глазах, что я вспыхиваю, неловко приседая в реверансе.

Это просто приворотное зелье, Мири, обман. Держи лицо, тем более мы не одни...

В камине трепещет пламя и его жаркие языки шутовской пляской разгоняют интимный полумрак, оседают тёплыми оранжевыми бликами на зыбких силуэтах мебели и тёмной фигуре человека в кресле.

Приглушённый свет из коридора за моей спиной позволяет разглядеть его склоненную голову и тёмное покрывало волос, спадающее на широкую грудь. Узкие пряди скользят тонкими змеями по серому бархату камзола, обвивают плечи, расползаются по подлокотникам.

При моём появлении мужчина не издаёт ни звука, не меняет позу. Словно и не человек это вовсе, а призрачное изваяние... статуя.

— Кхм, добрый вечер, лэды, — покашливаю многозначительно, привлекая внимание.

Эдвард скупно кивает в ответ и... остается на месте, всё так же прожигая взглядом. Незнакомец же никак не реагирует, полностью игнорируя приветствие и меня.

Немного растерянно переступаю с ноги на ногу. Столь открытое пренебрежение задевает. Мог бы хоть поздороваться, ради приличия.

Демоны, конечно, неприятно, но не смертельно. Всё равно, лучше, чем остаться с привороженным рыжим наедине.

Спрятав сжатые кулаки в складках платья, твёрдым шагом иду к дивану. Нарочито небрежно переступаю чужие конечности, протянувшиеся поперек комнаты, специально задевая их каблуком, и сажусь. Рыжий мешкает мгновение, а потом опускается рядом, придвигаясь настолько близко, что я чувствую, как его дыхание шевелит пряди на висках.

— Я готов, Ми...

Недовольно свожу брови и демонстративно сдвигаюсь на безопасное расстояние, перебивая на полуслове:

— Превосходно, начнем, лэд Тьер.

Уже привычно беру его руку и закрываю глаза. Ауру Эдварда всё так же опутывает чёрно-багряная паутина и, к моему разочарованию, проклятие благополучно отрастило новое щупальце, запустив его на место уничтоженного. На паука я даже боюсь смотреть.

Что ж, не боги мечи куют. Начну, пожалуй, с пуповины, питающей проклятие. А там, посмотрим по обстоятельствам, если повезет, удастся и якорь найти

Под взглядом рыжего сосредоточиться сложно.

— Лэд Тьер, я прошу вас прикрыть глаза. Вы отвлекаете.

Вместо ответа моей кисти касается легкий поцелуй.

— Это лишнее, — уведомляю сухо.

Едва слышный вздох и мне физически легче.

Вдох-выдох... Главное, ни о чём не думать...

Если хоть одна мысль собьёт концентрацию — завязну в чужой магии, как муха в смоле.

Я привычно зависаю над спутанными переплетениями проклятия, как легкокрылая стрекоза над топью. Вот почему все считают, что любовная магия — это что-то милое, ванильное и воздушное?

Нет, это самое настоящее зловонное болото, в котором, как в ведьмовском котле, беспрестанно бурлят эмоции. И я должна добровольно ступить в него, постепенно погружаясь глубже, как утопленница.

Боги, дайте мне сил!

Складываю крылья, позволяя им обернуться вокруг полупрозрачной оболочкой, и медленно, очень медленно проваливаюсь в тягучую мутную жижу.

С каждым крошечным шагом моя собственная сила бледнеет, выцветает. Я иду практически на ощупь, с омерзением раздвигая в стороны извивающиеся отростки тёмных чар, больше похожие на могильных червей. Такие же жирные, упругие и скользкие.

Они жадно шарят в надежде на новую пищу, но тонкая призрачно-голубая пелена исцеляющей магии надёжно защищает. Правда, даже она не способна полностью убрать гадливые ощущения.

Не думать. Искать.

Проклятие рыжего отчетливо волнуется, колышется всей своей отвратительной массой, сопротивляется моему движению. Черви то сплетают плотные кольца, то встают сплошной стеной и беспрестанно льнут, отыскивая лазейки.

Мерзкие, мерзкие создания.

Видела бы Клара сиё любовное проклятие.

Как же нужно было любить человека, чтобы так его проклясть? Я вообще сомневаюсь, что подобная любовь существует.

Настоящее чувство дарит крылья, возносит выше облаков, согревает теплом, баюкает заботой и лаской, а это... ненасытной пиявкой тянет жизнь, отравляет душу, подталкивая к могиле.

Где же демонова пуповина?!

Вдох-выдох. Не думать.

Мне плохо, до тошноты, до спазмов в желудке и горле, до вытянувшихся струной нервов. Удержать концентрацию становится всё сложнее. Чем глубже я захожу в сплетения тёмной магии, тем

сильнее она засасывает, опутывает липким коконом. Воздуха катастрофически не хватает.

Боги, кажется, я обречена вечно блуждать среди затхлого мрака чёрных чар, среди тошнотворных тварей, способных только жрать-жрать-жрать...

Тише-тише, Мири! Нельзя раскисать и поддаваться панике. Проклятие только и ждёт, когда безысходность накроет с головой, чтобы вгрызться в моё собственное тело.

Не сегодня! Нет!

Ещё один шаг, и я возвращаюсь...

Ещё один... Ещё...

Есть!

Рука судорожно нащупывает скользкий, не толще мизинца, жгут. Его слабая пульсация отдаёт в ладонь, словно чьё-то бешено колотящееся сердце.

Боги! Наконец-то!

Вдох-выдох.

Открыться... снять защиту... принять...

Моё собственное сердце пытается подстроиться, стучать в унисон, стать естественным продолжением чужой силы, иначе поток уйдёт, выскользнет коварной змеей, вновь спрячется среди червей.

Вдох-выдох. Не думать. Я готова.

Тёмная магия обрушивается глыбой, вдавливая, плющит, ломает, перекраивает под себя. Биение в моей груди замедляется, практически останавливается на миг, а потом рывками нарастает, пока не начинает стучать барабанами в ушах, до ломоты вибрируя в теле, словно гигантская рыбина.

Чужая магия устремляется в мой собственный канал с хищностью оголодавшего зверя. Впивается в него, тянет, сосёт, с упоением чавкая даровой силой.

Нужно потерпеть. Совсем немного, пока проклятие не переключится окончательно. Пока не размякнет сыто и умиротворенно.

А потом я его уничтожу.

Я чувствую, как слабею. А тварь всё ещё голодна. Её плотоядное урчание становится только сильнее с каждой минутой. Мерзкие черви-

отростки вытягиваются, разбухают, наливаются зеленоватым свечением...

Что?! Зеленоватым!

Боги! Это же... мёртвое проклятие. Да оно сожрёт меня с удовольствием и не подавится, выпьет досуха, потому как смерть ненасытна!

Хватит! Довольно!

Отчаянно дёргаюсь, разрывая контакт, и призываю силу. Ту самую, что в моей крови.

Проклятие, пожирающее меня, на мгновение удивленно замирает, прерывая свой пир. Я будто воочию вижу, как оно ошеломлённо встряхивает пиявкообразной головой, как тянется медленной струйкой ядовитая слюна из оскаленной пасти, как дрожит в нетерпении тонкий раздвоенный язык, ожидая команды продолжить, как вращаются мутные слепые бельма в кожистых провалах-глазницах.

Что, тварь, не ожидала? Теперь поговорим на равных.

Сдохни!

В уши бьёт протяжный тоскливый вой. На секунду прижимаю ладони к голове, а потом восстанавливаю защиту и удираю, распахивая локтями лопающихся, как зловонные язвы, червей. Суматошно загребая руками, взбивая чёрную вязкую жижу, которой они расползаются, и пытаюсь выплыть на поверхность.

Подальше от издыхающего проклятия...

Не думать. Не дышать! Не дышать! Не ды... кха!

Кашляя, вываливаюсь на первый слой и взмываю вверх, расправляя крылья.

Проклятие Эдварда зыбко дрожит, вздувается гигантскими гниющими пузырями и опадает, растекаясь зелёновато-бурыми потоками. Зловонные струи скользят вниз, впитываются в обивку, прожигая её насквозь, капают на ковёр, оставляя уродливые проплешины в цветном узор.

Осталось немного. Пустить волну исцеляющей магии, выжигая остатки. Сил практически нет, я должна собраться, должна...

Мелко-мелко дышу, не чувствуя собственного тела. Слабенькое голубоватое сияние с трудом расходится от ладоней, постепенно охватывает рыжего и ошмётки...

Все боги и демоны бездны! Я справлюсь... Справлюсь...

— Значит, это и есть та самая сбежавшая невеста? — редкие, но звонкие хлопки и низкий голос врываются в сознание, сбивая концентрацию напрочь.

Вздрагиваю от неожиданности и выпадаю в реальность, со стоном соскальзывая на пол к чужим ногам.

— Какого демона! Вы... Вы... Вы всё испортили! — рычу разъяренно. — Я не успела выжечь его, добить. — Тщетно пытаюсь извернуться, в надежде, что безвольное тело сможет подняться, каким-то чудом вскарабкаться обратно на диван, где безжизненным истуканом замер Эдвард.

И понимаю, что не могу...

От злости и отчаяния хочется выть и кататься по полу, бросаться с кулаками на безмозглого идиота, так нелепо разрушившего всё, что мне удалось.

Я почти смогла, была очень близко...

А теперь... Теперь всё напрасно!

Мой резерв пуст. Отдала всё, без остатка. И даже настойка Клары не спасёт.

Боги, я практически вижу, как проклятие разрастается свежими отростками и сотни прожорливых червей с удвоенной яростью запускают в тело и душу рыжего ненасытные пасти, стремясь наверстать упущенное.

Их так много... Цепких, живых, голодных... Они в состоянии сплести новую пуповину, слиться в единое целое, вернуть себе полную силу. Но теперь растревоженное проклятие стократ злее, опаснее, опытнее и больше не даст слабину, не даст обмануть себя.

Рыжий обречён, и я вместе с ним...

Тоскливый вопль вырывается из груди, и я рыдаю навзрыд от жалости, от чёрной безысходности.

Глаза застилает туман. Я практически мертва. Ведь рыжий не дышит...

Папочка, прости, я не справилась, подвела тебя! Всех нас...

Резкий рывок... и меня бесцеремонно притискивают к чужому телу, сковывают прочным кольцом рук и усаживают на твёрдые колени

как куклу.

— Да как вы смеете! — ахаю возмущенно, когда горячие ладони проходят по щекам в грубоватой ласке, стирая слёзы.

Негромкий смешок вибрирует пойманным эхом в мужской груди за моей спиной и ухо обжигает хриплый шёпот:

— Время рыдать прошло, девочка. Возьми то, что тебе нужно и добей его...

Я каменею на вдохе, широко распахнув глаза... и врезаюсь в ревущий ледяной поток горной реки. Ухаю с головой, едва успеваю схватить сведенным ртом последний глоток воздуха, а потом меня выбивает на второй слой. Там, где корчится в агонии проклятие рыжего.

Вновь ступаю в чёрную воду, но теперь не тону — парю над поверхностью, а под ногами расходится веером непрерывное голубое течение.

Исцеляющая магия. Моя. Усиленная многократно.

Тьма съёживается на глазах, стягивается грязным пятном. Каждый мой шаг — яркий всплеск, поток кристально-чистой воды, смывающий болотную гниль, растворяющий её без остатка.

Иду вперёд, ориентируясь на тонкую алую нить, что дрожит на уровне груди. Иду прямо к островку в самом центре прозрачного лесного озера. Угрюмые каменные развалины хищно скалятся гниющими зубами в раззявленной пасти чудовища.

Я узнаю это место.

И едва коснувшись земли, падаю ещё глубже...

Глава 7

Предупреждение:

В этой главе будет несколько тяжелых сцен, но герои рассказали свою историю именно так, автор только записал.

«— Эдвард, сынок, подойди.

Высокий темноволосый мужчина с резким неприятным лицом недовольно хмурится, скрещивая руки на груди. Он стоит неподвижно как могильное изваяние посредине внутреннего двора разрушенной крепости, а за его спиной зловеще чернеет обвалившийся арочный проем в смотровую башню будто глотка самой бездны. Серый промозглый туман мутной дымкой клубится вокруг, расплзается ядовитым плющом по заросшим мхом стенам, размывая истинные очертания строений.

Худенький рыжеволосый мальчишка лет пяти спешно прячет ладошки и отрицательно мотает головой. Я и сама бы не пошла. Даже не нужно дара, чтобы почувствовать тёмную силу, окутывающую фигуру мужчины покровом мрака.

— Живо!

Резкий окрик пощечиной взрывает воздух. Ребенок вздрагивает и опасливо пятится по каменной площадке, пока не наткнется на миниатюрную красавицу с волосами цвета осенней листвы в пышном зелёном платье и шустро юркает за неё, закрываясь складками материи.

— Эмма!

Ещё одна пощечина. Женщина дергается как от удара, суетливо выталкивая мальчишку перед собой.

— Ну же, Эдвард, сынок. Иди, иди, не бойся, — ласково уговаривает она и легонько подпихивает между лопаток. Но мальчишка упрямо сводит брови, упираясь каблуками маленьких туфель и не двигается с места.

— Ты что, ничего ему не сказала? — гневно восклицает мужчина, тяжёлым шагом срываясь вперёд.

Подойдя вплотную, он нависает над непослушным отпрыском хмурой тучей, злобно буравя чёрными провалами глаз.

— Тише-тише, Гастон, ты напугал лисёнка. Правда, малыш? — Эмма ласково треплет рыжие вихры и воркует нежно: — Не бойся, милый. Папа только с виду такой суровый, а на самом деле любит тебя. Очень-очень.

— Мой папа — Эмиль! — отважно выкрикивает Эдвард, отскакивая в сторону и затравленно взирая на взрослых. — А, это... это плохой человек, мама! Он злой, и...

Названный Гастоном исторгает едва слышный рык и резко дергает Эмму за локоть, прижимая к себе. Та болезненно кривится, пытаясь удержать слабую улыбку, но в глазах её каплями росы набухают слёзы.

— Ты забыла, о чём мы договаривались, милая? — злобно шипят ей в лицо, брызгая слюной.

— П-прости, я н-не смогла...

— Глупая, бесполезная гусыня! Мальчишку вот-вот прорвёт, а ты говоришь: «Не смогла», — желчно передразнивает Гастон и стискивает женские плечи, сдавливая их до хруста, встряхивая несчастную как тряпку. — Или ты хочешь, чтобы его, как пса посадили на цепь? Ты ведь этого добиваешься, да? Дрянь!

— Больно, Гастон, мне больно! — Эмма смотрит побитой собакой, заливаясь слезами: — Я не могу... Понимаешь, не могу-у... — сквозь всхлипы бормочет она, мотая головой.

— Оставьте маму! Иначе... Иначе я... я... я убью вас!

Маленький Эдвард врезается в мужчину, как смерч, крутится волчком, что есть силы молотя по бедрам, спине, животу, куда достают крошечные детские кулачки.

Один из ударов достигает цели.

— Ах, ты, щенок! — ощерившись, шипит Гастон сквозь зубы, одним точным движением отшвыривая его прочь.

Руки Эдварда нелепо взбивают воздух, и он валится навзничь, застывая сломанной куклой. Его короткие рыжие волосы разметываются пожухлой листвой на камнях, а возле виска тонкой струйкой расплзается алая кровь.

— Эдвард!

Испуганный вопль разрывает слух, и Эмма, вырвавшись, летит к сыну. Она падает на колени рядом, растерянно тормошит его,

покрывает посеревшее личико торопливыми поцелуями, зовёт срывающимся голосом:

— Эдвард... Эдвард, сыночек, очнись. Ну же, лисёнок, вставай. Встава-А-А-А... — увидев окровавленную ладонь, кричит истошно, вскинув лицо к затянутому туманом небу, а потом глухо воет на одной ноте, прижимая неподвижное тельце.

Вой сменяется судорожным всхлипом-вдохом, Эмма замирает неподвижно, уставившись в пустоту. А потом начинает покачиваться как заведённая взад-вперёд, мурлыча под нос:

— Спи, лисёнок, спи, мой родной. Мама всегда будет рядом с тобой.

Она баюкает Эдварда, нежно убирает упавшие на лоб тонкие рыжие прядки, бережно укладывает тело на камни, заботливо расправляет задравшийся жилет. Проводит по маленькой ручке ладонью и вскакивает с безумным видом, кидаясь на Гастона с кулаками:

— Чудовище! Ты убил его! Убил нашего сына!

— Замолчи, дура! — огрызается тот, вяло отбиваясь от обезумевшей женщины.

Та падает ничком на выщербленные камни, вцепляется в волосы и, захлебываясь рыданиями, скулит:

— Убил! Убил! Убил! А-а-а....

— Идиотка безмозглая! — Гастон желчно сплёвывает под ноги, подходит и подхватывает Эдварда на руки.

— Нет! Отдай его мне! — с диким визгом Эмма вцепляется в мужскую ногу и волочит за ней по камням как якорь.

— Отстань! — взбрыкивает Гастон. — Да отвали, дурная баба! Или тебе сын не нужен?

— Что? Что ты сказал? — Вскидывается Эмма и глаза её загораются сумасшедшей надеждой.

— Что-что? Сопли утри и слушай. Я воскрешу его, но только до рассвета. Пока солнце не встанет, свяжешь его жизнь, иначе щенок умрёт. Поняла?

— Д-да...

— Иди, давай, готовься. Придешь за четверть часа до зари. Я закончу ритуал и заберу его с собой. Воспитаю, пока он окончательно не превратился в бабу.

— А я? К-как же я?

— А ты останешься с мужем, если не помрёшь. А что ты думала, милая? Чёрная магия требует жертв. Выбирай: или он, или ты?

— Он, конечно, он... — торопливо всхлипывает Эмма, обвивая ногу Гастона руками и благодарно покрывая поцелуями его заляпанный грязью сапог. — Спаси его, умоляю!

— Спасу! А теперь, убирайся! И чтобы ни одна живая душа... Поняла? Пошла вон!

Гастон небрежно откидывает её мыском и ступает в полукруглый зев башни, исчезая во мраке. Эмма кое-как встаёт, шатаясь как пьяная.

— Я всё сделаю. Всё-всё, что хочешь... — бормочет она, слепо хватаясь за разрушенную стену руками, и ковыляет прочь, погружаясь в серый туман, безостановочно шепча: — ... лишь бы Эдвард жил. Лишь бы он жил...»

Боги!!

Нервно кусаю губы, краем сознания отмечая солёный привкус во рту. Чудовище!

— Какое же он чудовище, — шепчу, размазывая слёзы. — Бедный, бедный рыжий....

— Ш-ш-ш... Это прошлое, Мири, — тихий голос дуновением невидимого ветра взметывает растрепанные пряди и высушивает влагу на щеках. — Ты должна пойти за ним в башню.

Киваю и делаю шаг, ступая из туманной пелены на каменный двор: Эмма скрюченной старухой проходит совсем рядом. Заглядываю в её глаза, но они пусты и безжизненны. Призрак...

А, тот, Гастон, он тоже призрак?

— Да. Не бойся, — шепчет ветер, настойчиво подталкивая вперёд, — они не видят тебя. Призракам прошлого нет дела до живых. Иди...

Хоть ветер и заверяет, что я вне опасности, всё-таки первый шаг во мглу делаю непроизвольно зажмурившись.

Осторожно приоткрываю одно веко и с облегчением выдыхаю. Тьма отступает. Там, где я касаюсь её, спешно втягивается в щели и трещины, испугавшись едва различимого голубого свечения. Она наблюдает за мной немигающим взором тысячи мутных глаз, сладострастно урчит тысячами жадных до силы глоток, едва слышно скребет каменную кладку тысячами острейших когтей, затаившись в засаде.

Брр, мерзость!

Чёрная магия терпеливо выжидает, и я тоже жду.

— Иди... Вперёд... Прямо... Прямо... Направо... Ещё раз...
Налево... — далекое едва слышное эхо кружит вокруг, давая подсказки. Послушно переставляю ноги, уходя глубже под землю по крысиному спиральному лазу. — Стой! Смотри...

Тьма всё так же ждёт своего часа, затаившись по норам, нарочно затягивая плотной непроглядной пеленой огромную пещеру, но даже ей не под силу скрыть то, что вижу...

Я смотрю сквозь бездонный мрак, сквозь сплетения чёрной лохматой паутины и вижу... под неверным зеленовато-серым светом, неспешно струящимся из провала потолка, распростертое детское тело с белеющей грудной клеткой.

И Гастона, заносащего тускло фосфоресцирующий нож.

И кровь, фонтаном устремившуюся вверх.

Зажимаю рот, чтобы не орать, когда мужчина, на моих глазах убивший собственного сына, единым смазанным движением вспарывает себе грудь, вырывая кусок собственного сердца. А потом опускает его туда, в провал между детских ребер.

Я не дышу, кусаю пальцы. Ветер молчит. И я не знаю, что делать.

Единственное, что хочется сейчас — вытащить Эдварда из лап Гастона. Ударить смертельным проклятием, возвращая убийце всю причиненную им боль, весь страх и ужас. Всё его зло.

«Нет! Жди...» — отрывистый приказ в голове в тот самый момент, когда, решившись, поднимаю ногу.

Колеблюсь мгновение, а потом опускаю её на холодный землистый пол.

Гастон отбрасывает нож, сводит руки над грудью Эдварда и монотонно бормочет. Под его пальцами собирается тьма. Сначала маленькое, едва заметное облачко. Но оно быстро растёт, споро сучит суставчатыми отростками-лапками, вытягивая из окружающей паутины тонкие антрацитовые нити, плетя собственную сеть.

Та ложится на белую детскую кожу чёрными росчерками пера, стягивая рану и сращивая плоть. Эдвард всё так же бледен и неподвижен, но теперь от кошмарного пореза остался тонкий едва заметный шрам. И жирный чёрный паук прямо над сердцем. Нити его паутины вонзаются в тело Эдварда, пронизывают насквозь, сливаются

с витальными потоками. Теперь паук и Эдвард — одно целое, единый организм.

— Живи, щенок! — устало выдыхает Гастон, заваливаясь на бок.

Его собственная рана выглядит чудовищно. Сквозь рассеченную кожу наружу торчат кости, а сердце то сочится, то фонтанирует тёмной кровавой струей. Но, как ни странно, Гастон ещё жив, хотя с такими ранениями одна дорога — на кладбище.

Мужчина досадливо морщится, стягивает одной рукой лоскуты свисающей кожи, а другой зачерпывает тьму, как глину, и лепит неряшливую заплатку прямо поверх разреза.

— Де-емоны, — сдавленно шипит сквозь зубы и сплевывает, когда тёмная магия впитывается окончательно, оставляя после себя неповрежденную поверхность.

— Осталось за малым. Только бы эта дура не струсилась... — кряхтит под нос, с трудом поднимаясь. Грязно ругнувшись, подхватывает Эдварда и идёт прямо на меня.

Я вижу каждую чёрточку его холёного аристократического лица. Резкого, неприятного, но в чём-то даже красивого. Правда, красота эта скорее отталкивает.

Гастон проходит мимо, едва не задев плечом. Слышу его тяжелое со свистом дыхание, чувствую резкий, сладко-приторный, совсем не мужской запах. Короткие рыжие пряди на долю секунды касаются руки, и я вздрагиваю.

Эдвард не призрак...

Щекотное прикосновение его волос совсем не похоже на тот леденящий сквозняк, которым обдаёт рядом с Гастоном, не похоже на тот иссушенный колючий поток, каким показалась мне Эмма.

Это было живое, настоящее.

Гастон уходит, а я всё стою, ошарашенная, и хлопаю глазами.

— Иди. Это ещё не конец! — Чувствую в спину резкий толчок и понимаю, что мой проводник недоволен.

И я бегу, спотыкаясь, удерживая взглядом фигуру мужчины с ребенком на руках.

Мы вновь на внутреннем дворе, в плотном кольце тумана. Но теперь серую дымку окрашивает предрассветный багрянец. Его полупрозрачные мазки скользят по верхушкам разрушенных строений, нежными розоватыми пятнами румянца ложатся на камни.

Эмма уже там. Она кружит на месте, нервно меряя шагами небольшой мощёный пяточок, и, увидев Гастона, бросается к нему, протягивая руки.

— Принесла?

— Да-да... — сбивчиво отвечает и жадно тянется, пытаясь дотронуться. — Эдвард? Он...

Гастон опускает детское тело на камни, распахивает разорванную рубашку, и Эмма в ужасе отшатывается, видя тонкий шрам и лоснящееся черное туловище паука на бледной коже.

— Ч-что это?! Что ты сделал?!

— Спас его.

— Боги! Это же... это... — стонет Эмма, падая ниц перед сыном.

— Раскудахталась, — желчно цедит Гастон и раздражённо командует: — Делай привязку, если хочешь, чтобы щенок выжил.

Эмма кивает истово, засовывает трясущиеся руки в карманы платья. Пугаясь в складках материи, она выуживает небольшой мешочек с завязками. Её пальцы дрожат, ходят ходуном, предательски проскальзывая по шёлковым лентам, ещё сильнее затягивая узлы. Сдавленно охнув, она с яростью впивается в тугое переплетение и отчаянно рвёт его. Наконец, кусок бархатной ткани падает вниз, а в ладони Эммы остается крошечный пузырек темного стекла.

— В-вот. — Бутылочка пляшет, норовя выскользнуть.

— Начинай, давай поживее. Вон уже подбираются... — Гастон с неудовольствием косится на узкие полосы солнечных лучей, что красновато-оранжевыми стрелами неотвратимо ползут по каменной площадке.

Эмму трясёт как в лихорадке. Она пытается одновременно говорить и откупоривать склянку, отчего её зубы клацают по стеклу, а слова путаются, превращаясь в невнятное бормотание.

— Сеэ... э... я... эзни... адаро... мы....

— Что ты там несёшь?

Гастон выхватывает пузырек, одним движением вырывает пробку и махом вливает в бледные губы Эдварда содержимое, рыча:

— Заново.

Эмма вздрагивает, делает глубокий вдох, на долю секунды прикрывая глаза, а потом глубоким певучим голосом громко и внятно произносит:

«Сердце для жизни — подарок тьмы,
Огнём любви его зажги.
Пока горишь — горит оно,
Кровной связью защищено.
Если задумаешь связь разорвать,
Кормушкой для мёртвых готовься стать.
Мёртвым — тьма, живым — свет.
Без одного другого нет.
Эдвард — хозяин, ты — раба.
Так будет отныне и навсегда».

Она склоняется над сыном, нежно целует в лоб. Бескровные губы Эммы продолжают шевелиться, но я больше не слышу ни единого слова.

— Умница!

Гастон удовлетворённо накрывает её голову ладонью, поглаживает, а затем грубо сжимает волосы на затылке.

— Попрощалась? — спрашивает и, едва та убито кивает, отшвыривает прочь, как нашкодившего котенка. — А теперь убирайся. Дальше справлюсь сам.

Оскальзываясь, Эмма с трудом поднимается и падает снова.

— Пожалуйста, позволь мне остаться... Умоляю... — скулит она жалобно, отползая в сторону, но Гастону уже не до неё.

Он дотрагивается там, где сердце Эдварда, быстро-быстро рисует непонятные узоры, сплетая из них паутину, и что-то тихо шепчет под нос. А потом со всей силой резко давит.

Щелчок!

Суставчатые мохнатые лапки вдруг угрожающе приподнимаются над поверхностью кожи, паук дергается неровно и издаёт пронзительный писк, отдаленно напоминающий стрёкот кузнечика: только выше, тоньше, противнее.

Он резко отталкивается всеми конечностями и взлетает вверх. Но гибкие чёрные нити, держат крепко, срабатывают как пружины, и мерзкое насекомое упругим комком грязи шлёпается вниз, вынуждая грудину Эдварда прогнуться. А потом подпрыгивает снова...

Раз, другой, третий.

Удар!

Слабенький, едва различимый, словно крупная горошина упала на толстый ворсистый ковёр. Одна. Другая. Третья.

Тихая дробь нарастает, я слышу чёткий ритм. Бум-бум-бум...

— А-ах! — Эдвард делает жадный вдох, надсадно кашляет.

Задыхаясь, он перекачивается на бок и поджимает ноги, вздрагивая всем маленьким телом.

С истерическим воплем Эмма рвётся к нему, подползает в мгновение ока, хватая, недоверчиво ощупывает, оглаживает, вертит, приговаривая:

— Живо-ой! Лисёнок мой, живой. Родной мой, ненаглядный, сыночек мой. Сердце моё, радость моя, жизнь моя, Эдвард...

— Ма-ма, — слабый мальчишеский голосок испугано дрожит. — Что со мной было, мама?

— Ты спал, радость моя, просто спал, — нежно воркует Эмма, ласково глядя сына по рыжей макушке. — Тебе снился сон, мой малыш.

— Ужасный сон, — Эдвард капризно морщит нос. — Мне было больно. Очень больно. Почему ты не пришла? Почему не спасла меня?

— Я здесь, сыночек, я рядом. — Губы Эммы дрожат и слёзы прозрачным градом капают на чумазые щечки сына. — Всё закончилось, лисёнок. Ты веришь мне?

— Нет! — её грубо отпихивают. Эдвард встаёт, делая нетвердый шаг к Гастону. — Ты не спасла меня. Бросила одного. Предала!

Эмма бледнеет. Хотя куда уж более? Она бессильно заламывает руки и всхлипывает так горько, что моё собственное горло сводит нестерпимой судорогой. Я впиваюсь зубами в щёку, чтобы не завывать вместе с ней.

— Лисёнок...

— Отстань!

Взгляд Эдварда жёстче адамасской стали, холоднее синейского льда, острее шипов дикой розы. Маленькие кулаки крепко стиснуты, рыжие брови гневно нахмурены, а тонкие губы плотно сжаты в узкую щель.

— Bravo, Эмма! — Жидкие аплодисменты Гастона тонут в его раскатистом хриплом смехе. — Ты справилась даже лучше, чем ожидал, — он подмигивает и одобрительно треплет пламенную шевелюру. — Так её. Бабы нужны, чтобы исполнять наши желания.

Это единственное их предназначение. Потерпи. — Он опускается на корточки и берет ладошки Эдварда в свои. — Вот подрастешь, весь мир будет здесь. В твоих руках.

— А долго ждать?

— Скоро, очень скоро. Мне осталось ещё одно дельце, — Гастон вновь ерошит волосы сына и презрительно бросает: — Эй, ты. Я передумал. Заберу его позже. Нужно кое-что подготовить. Ты ведь потерпишь, ще... сынок? — ладонь Гастона небрежно похлопывает по щеке Эдварда, но тот даже не дёргается.

— Потерплю, отец. — Рыжий совсем не по-детски скалит мелкие зубы.

— Тогда иди. Наслаждайся, Эмма. — Издевательский мужской смех оглушает. — Ты ведь этого хотела...

Эдвард резко отдёргивает руку, едва Эмма пытается её ухватить, отводит ладони за спину и идёт первым, словно король перед свитой. Эмма плетётся позади, больше не делая попыток приблизиться. Её лицо окаменело и только губы двигаются безостановочно.

И когда она проходит мимо, я чувствую раскалённый ветер пустыни, что впивается сотнями крошечных песчинок, вбивая под кожу слова:

«Коль будет искренней любовь,
Мёртвое сердце забьется вновь.
Заклятье чёрное навеки падет,
И светом любви озарит небосвод».

Глава 8

«Так и знал, она оставит лазейку...» — шепчет ветер.

Нет, не ветер. Тот мужчина...

Я смаргиваю невольно и оказываюсь сидящей в кресле в бордовой гостиной дома Тьер.

Бросаю взгляд на каминную полку и подскакиваю изумленно. Без четверти десять!

Три часа! Почти три часа я спокойно пользовалась даром и... отката нет.

Мой резерв абсолютно полон, я твёрдо стою на ногах, никакой слабости, хотя я истратила демонову уйму магии.

Да, точно! Тот человек... Он поделился со мною силой. Где же он? Верчу головой, но комната пуста. Только пламя беззвучно колеблется в камине, разгоняя густые ночные тени по углам.

Боги, только не это! Обозрев тело Эдварда в нелепой изломанной позе, я одним гигантским прыжком преодолеваю разделяющее нас расстояние и падаю ему на грудь, вслушиваясь с тревогой.

Дышит? Дышит...

Правда, сердце, отсчитывая удары, иногда сбивается, но он дышит... Живой! Спасибо, спасибо!

Облегчённо стекаю на пол и обхватываю свесившуюся с дивана руку. Рыжий, рыжий... Бездумно трусь щекой и целую его ладонь.

Это просто сон, дурной сон. Только держись, пожалуйста, держись. Я что-нибудь придумаю. Я тебя не брошу, слышишь?

Вокруг стоит неестественная тишина и даже часы не тикают, будто все звуки умерли, остались там, в памяти Эдварда.

Но, почему никто не проверил нас до сих пор?

Вскакиваю на ноги, тянусь к шнуру и подпрыгиваю на месте, когда из темноты у окна раздаётся прохладное:

— Признаться, я удивлён.

Отпрыгиваю от Эдварда ошпаренной кошкой, пунцовея, и настороженно взираю на мужчину, напоминающего ещё одну бесплотную тень рядом с книжным стеллажом.

Как я умудрилась не заметить его?

Инстинктивно отступаю к камину и напряженно слежу за незнакомцем, неторопливо покидающим своё сумеречное убежище. Он изящно огибает диван, словно случайно ведя рукой по бархатной обивке, и постепенно выскользывает на свет. Короткий взгляд на рыжего, быстрый прищур и снова нарочито медленное движение. Всё ближе и ближе.

Демоны бездны, мне кажется, или он и вправду чем-то недоволен?

Сейчас, когда длинные чёрные волосы небрежно откинута за спину, я с жадным вниманием изучаю того, кто легко и щедро поделился собственной силой.

Он выглядит лет на пять или шесть старше Эдварда. Лицо простовато, но порода присутствует. Прямой нос с небольшой горбинкой, довольно высокий лоб, широкие, чуть сросшиеся на переносице брови. Подбородок тяжеловат, на мой вкус, и скулы сглажены, почти не видны.

В целом, внешность приятная, хотя рыжий намного красивее.

Интересно, какого цвета у него глаза? Такие же тёмные, как и волосы? Хотя, какая разница? Почему-то мне совсем не хочется встречаться с ним взглядом, слишком уж острый он и даже в чём-то пугающий.

— Жду вас завтра в десять утра. — Я вздрагиваю от надменного приказа и пока удивленно моргаю, получаю ещё парочку: — Не опаздывайте, а сейчас — отдыхайте. И ещё, воздержитесь от использования дара. Чревато.

Бессмысленно хлопаю ресницами, обалдев и от тона, и от приказов, и от наглости, с которой их выдают.

Незнакомец тем временем доходит до двери, берётся за ручку...

— Постойте, да кто вы вообще такой? — выкрикиваю удивлённо и замираю, когда ко мне поворачиваются и смотрят так, что по спине ползет колючая изморозь.

— Действительно, кто я такой? — едко переспрашивают. — Хм, позвольте представиться, — чужие губы кривит неприятная усмешка, — его светлость герцог Кристиан Эссен Туав, к вашим услугам.

Мне отвешивают издевательский поклон, и я зачем-то глупо уточняю:

— Самый чёрный-пречёрный маг королевства?!

— Да, он самый. Был рад вам помочь.

Моя челюсть окончательно отвисает, и я растерянно лепечу, приседая в неуклюжем реверансе:

— О-очень п-приятно познакомиться, лэд Эссен, ваша светлость.

Меня одаривают ещё одной усмешкой, на этот раз снисходительной, и я просто не успеваю среагировать, когда Эссен вместо того, чтобы выйти, вдруг стремительно возвращается и бесцеремонно обхватывает меня за талию.

— Мне тоже очень приятно познакомиться с вами, лэди Сиал, — медовым голосом выдыхает он... и внезапно впивается прямо в полуоткрытый от удивления рот.

В первое мгновение я просто выпадаю из действительности. Выпучиваю глаза и теряюсь настолько, что его наглый язык успевает свободно проникнуть и даже лизнуть мой собственный. Опомившись, клацаю зубами, но герцог оказывается проворнее, а его губы с неутомимым рвением продолжают изучать мои собственные, смакуя, пробуя их на вкус.

Одурев от такой дерзости, мычу, упираясь что есть силы ему в грудь. Но оттолкнуть не могу.

Гад! Размахиваюсь для пощёчины...

— Не стоит. — Мою руку перехватывают, заводят за спину и не больно кусают за нижнюю губу. А затем легонько подталкивают, усаживая в кресло.

— Зачем? — тихо шиплю, резким движением вытирая рот.

Лицо полыхает, но я не уверена, что это смущение. Скорее гнев, злость, бешенство. Ещё никто не смел так цинично, так самоуверенно, так...

В общем, не смел!

Эссен довольно скалится, упирается руками в подлокотники, захлопывая капкан. Пару мгновений смотрит хищно, пристально, что нестерпимо хочется прикрыться, а после, приблизившись к самому лицу, сладко шепчет:

— Всегда хотел попробовать... этот способ наложения заклятия немоты. Да, да, моя милая лэди. Если с ваших чудных губок слетит хоть одно слово... — красноречивая пауза, во время которой мой подбородок ощутимо сдавливают.

Я сглатываю напряженно, видя в глазах Эссена холодный блеск и непроизвольно киваю.

— Рад, что мы поняли друг друга. Хм, даже странно, — герцог вдруг нежно ведет ладонью по щеке до виска, обжигая кожу, — в вас столько огня, а вы выбрали воду.

— Зато ветер вам прекрасно подходит, такой же наглый и беспардонный, — едва слышно фыркаю в ответ, потому что его рука уже скользит в моих волосах непрошенной лаской, растрепывая прическу.

— Дерзкая, маленькая девчонка, — тихо смеётся герцог, чуть сжимая пряди на затылке. — Мне пора. — Моих губ касается легкий вздох сожаления, и чужие пальцы проводят горячую черту до основания шеи. — Провожать не надо.

— Пф, боги, даже не собираюсь, — бурчу под нос, облегченно встряхивая головой, когда Эссен выпрямляется.

— Жаль... — игриво подмигивает он и добавляет: — Оставлю себе на память, — перед моими глазами на секунду золотистой рыбкой мелькает подвеска-перо прежде чем бесследно исчезнуть в кармане серого камзола.

Как? Когда?

Ощупываю лиф, раздраженно перебирая расстёгнутые пуговицы. Вот... нахал!

— Это был самый сладкий миг в моей жизни, лэди Сиал. Вы — восхитительны! — мои ладони перехватывают и жарко зацеловывают, с нескрываемым предвкушением урча: — М-мм, с нетерпением жду нашей завтрашней встречи. О, доброй ночи, Эдвард, — вдруг мило здоровается Эссен, отступая на шаг, и секундой спустя исчезает в тёмной вспышке портала.

Эдвард?!

Поворачиваюсь заторможено, издавая мучительный стон. Он всё видел...

Боги!

— Лэд Тьер, я... — осекаюсь растерянно, пряча глаза.

Эдвард смотрит пристально, недоверчиво, хмуро, и его злой обиженный взгляд растекается по коже кипящей смолой.

Что?! Что я должна сказать? Оправдаться? Но это не я целовала, не я...

Это так похоже на... ревность?

Нет, не может быть! Рыжий не может меня ревновать, он же ненавидит меня. А это... это — фальшь, обман, демонов приворот.

Но лицо и шею густо заливает краской: проклятому стыду плевать на доводы рассудка. И я трусливо сбегая. Вздвигаясь на ноги испуганным зайцем и пяясь, блею:

— П-позову слуг, вам... вам нужно отдохнуть, лэд Тьер... и... и выпить настойку, я сейчас... одну минуту...

— Миранда! — разъярённый возглас рыжего глушит дверь.

Я прижимаюсь к ней лопатками, пытаюсь выровнять дыхание.

Демоны!

Перед глазами разреженными клочьями плавают багровый туман. Он густеет, скользит по телу обжигающими прикосновениями, и я горю, полыхаю пожаром так, что под ступнями дымится ковёр.

Это не стыд. Точно не стыд...

Меня словно в печь раскаленную сунули и медленно проворачивают, поджаривая до хрустящей корочки. Боги, Эссен что-то сделал со мной?

Мимо пробегают кто-то, я даже не вижу, кто именно, просто хватаю за рукав и цежу сквозь зубы: «Лэд Тьер пришёл в себя, проводите его в комнату и дайте укрепляющую настойку», а потом срываюсь и несусь наверх.

Лихорадочный жар проходит сквозь тело волнами. То короткими, быстрыми как сбившееся дыхание, то долгими, тянущими, выворачивающими наизнанку.

Боги!

Едва переступаю порог - рву ворот платья, словно его вина, что легким не хватает воздуха. Одежда неприятно впивается в кожу, давит, царапает, жжет.

Сдираю её безжалостно и швыряю на пол. Оставляю только тонкую шёлковую сорочку. Нет, я ещё не настолько низко пала, чтобы разгуливать голышом по чужому дому.

Мне ужасно душно, жарко... и мгновение спустя забываю о приличиях.

Широко распахиваю окно, подставляя разгоряченное тело холодным объятиям ночного ветра. Он лениво кружит, обдавая прохладой. Жадными студеными пальцами гладит обнаженную кожу, незримо скользит плавным касанием. Лёгким как пёрышко, нежным, щекотным. А потом пробирается под подол, целуя ноги.

Слышу собственный прерывистый стон. И вздрагиваю резко. Пытаюсь сдвинуться с места, но не могу.

«Разреш...»

Этот голос сводит с ума. Я готова открыться, отдаться... Только не ему...

Стиснув зубы, резко свожу колени и дёргаю покрывало с кровати. Заматываюсь в него как в кокон, создавая преграду.

Что он сделал со мной?

«Ты открылась, Миранда...»

Боги, я — идиотка! Его сила... Она наполнила мой источник и запустила слияние! Но как? Как?! Я же не давала согласие.

Обрушиваю кулаки на матрас и сдавленно рычу.

«Разве тебе не нравится?» — искушающим тоном поддразнивает этот гад и снова проводит невидимым перышком от виска через щёку к шее.

Прикосновение замирает в районе ключиц, рассылая потоки огня, а потом продолжает скольжение ниже, к ложбинке груди. Так медленно, так чувственно, что волоски на руках поднимаются дыбом.

— Что. Вы. Сделали. Со. Мной?

«Ничего... — отвечает со вздохом. — Пока ничего...»

— Ненавижу!

«Не стоит».

— Убирайтесь из моей головы!

«Как скажешь, сладкая. Сладкая Мири...» — с тихим смехом Эссен исчезает, а я падаю на колени, кусая в бешенстве губы.

Я просто хотела помочь рыжему, просто хотела жить.

— За что? — восклицаю, истерично молотя ладонями по полу. — За что?

И сжимаюсь в комок.

Он понял... Понял, и теперь не отпустит... Такие не дают свободы. Ничего не дают. Только берут... Обманом, лаской, силой.

Нет! Не сдамся!

— Я не сдамся! — Скрежещу зубами. — Ни за что! Слышишь, Эссен?

Молчит.

Нужно смыть с себя этот день. Смыть воспоминания. Гастон, Эмма, Эдвард, проклятие, тьма, паук, Эссен — всё уйдет вместе с водой.

Отшвыриваю покрывало и, морщась, натягиваю платье. К демонам корсет, всё равно не зашнурую самостоятельно. Я даже не поняла, как стащила его без помощи.

Едва не отрываю шнур для прислуги. Вода, мне нужна вода. Много-много воды.

— Доброй ночи, лэди. — Знакомая горничная почтительно выжидает на пороге.

— Молли, кажется? — Та кивает. — Я хочу принять ванну. Немедленно.

Девушка едва заметно вскидывает бровь. Помню, помню. Её скорость напрямую зависит от количества золотых монет.

— Две, если справишься за двадцать... нет за десять минут.

Десять минут потерплю, хотя не уверена. Кожу вновь обдаёт потоком огня.

Все демоны бездны! Раздраженно сую руки в карманы платья и наматываю круги по комнате. Пальцы путаются в металлическом плетении.

Цепочка Клары! Совсем забыла! Интересно, для чего она?

— Ванна готова, госпожа, — Молли немного повышает голос, привлекая внимание.

— Хорошо. — Встряхиваюсь и прячу подарок. — Забери на комод. Можешь идти...

— Но...

— Я справлюсь. Иди!

Горничная мигом испаряется, слышу только как осторожно прикрывается дверь, а после дробный перестук каблучков в коридоре.

Замок щелкает негромко. Я одна. Надеюсь.

Окно! Захлопываю раму и задвигаю щеколду.

Наконец-то стягиваю всё с себя и с наслаждением погружаюсь в воду. Эссен приказал не пользоваться силой. А вот демона ему под хвост!

Переключаюсь на магическое зрение. Жидкость едва заметно плещется, колыхается, мерцает голубоватыми искрами.

Он что-то сделал с моей магией. Отравил ее, испортил.

Пусть я не могу исцелить себя от ран, но в состоянии очистить собственный источник. Просто слить его и набрать заново. Как кувшин из родника.

Я уже делала такое. Один раз. И мама была рядом... А сейчас я должна справиться сама.

«Это предложение?» — игриво интересуется Эссен в моей голове.

Невидимый ветер ерошит волосы на затылке, пускает мелкую рябь по поверхности.

— Нет, — огрызаюсь. — Это вызов!

Нужно только потерпеть.

Это больно. Очень больно. Тебя выворачивают наизнанку, прополаскивают словно грязную тряпку и выжимают досуха, до последней капли. Чтобы вновь наполнить.

Главное, не кричать...

«Что ты задумала?» — пламя свечей тревожно колеблется, отбрасывая причудливые тени на стены.

— Избавиться от вас, — отвечаю резко и впиваюсь зубами в жгут полотенца.

«Не смей!»

Поздно, Эссен, поздно.

Я открываюсь, позволяя воде проникнуть внутрь. Чистым, тёплым спасительным потоком с ненавязчивым тонким запахом цветов.

Совсем как в нашем саду летом.

М-м-м...

Острая боль пронзает раскалённой спиралью, методично закручивая витки от макушки до пальцев ног. Не думать о ней, не думать... Думать о саде...

О белых пушистых сугробах. В них так здорово падать навзничь, оставляя крылатый след... А потом, выстукивая зубную дробь, бежать греться к камину и пить горячий глинтвейн мелкими обжигающими глотками, смешно чихая от пряных трав...

М-м-м...

О дурманящем запахе сирени по весне. Когда кусты возле окон обильно усыпаны тяжёлыми лиловыми кистями... И так хочется найти

счастливый, пятилистный цветок, торопливо съесть его и загадать самое сокровенное желание...

М-м-м...

О высоких раскидистых деревьях. Заботливо укрывающих густой мягкой тенью в полуденный зной. Увешанных спелыми плодами... Я люблю абрикосовое варенье: оранжевое, ароматное, с сочными кусочками внутри. И обязательно с орехами...

М-м-м...

О разноцветных листьях. Медленно и торжественно парящих в прозрачном осеннем воздухе... Когда собираешь их в огромные кучи, а потом швыряешь пригоршнями вверх, наслаждаясь вальсом красочных пятен: зелёных, коричневых, желтых, рыжих... Как волосы Эдварда.

Пожалуйста-а-а...

Ухожу с головой под воду, даже не задерживая дыхание. Не поможет. Ещё пара мгновений и всё кончится... Ещё чуть-чуть. Последний рывок.

Бо-ги!

Вцепляюсь в борта и вытягиваю себя из воды. Выплываю полотенце, судорожно хватая ртом.

Ты справилась, Мири, ты — умница!

Больше никто не сможет воздействовать на меня. Никто. Даже Эссен, будь он хоть трижды великим магом. Старой Миранды нет. Её смыло водой.

«Глупая, глупая, девочка...»

Ироничный голос тает размытой дымкой, и я ожесточённо врезаю кулаки в воду, разбрызгивая фонтаны. Ещё! Ещё! Ещё!

Молочу, что есть силы, пока не понимаю, что грохот в ушах — это стук в дверь. Настойчивый и упорный. Демоны!

Вываливаюсь из ванны, натягиваю халат и шлёпаю босыми ногами по полу, оставляя лужи. Рывком открываю дверь и застываю на пороге.

— Что вы здесь делаете, лэд Тьер? Вы должны уже давно спать, — гневно шиплю, не в силах сдержать раздражение.

После тесного общения с Эссеном, я практически в каждом вижу врага. Хотя рыжий, торчащий в коридоре, выглядит совсем не опасно: встрепанный, сонный и такой милый.

— Я спал, лэди Сиал, — прикрывая зевок, Эдвард невинно хлопает ресницами, — но вы так громко стонали, что просто не мог остаться в стороне.

— Что?! Но как? Ваша комната в другом крыле.

— Уже нет. — Губы рыжего изгибает улыбка. — С сегодняшнего вечера мы — соседи.

— Лэд Тьер, вы спятили? Решили окончательно добить мою репутацию?

Да, звучит грубо, но сейчас я просто не в состоянии вести светские беседы после всего случившегося.

— А что такого? — Синие глаза недоуменно прищуриваются. — Вы — моя невеста. Не вижу ничего предосудительного в том, что хочу быть ближе.

Боги, ещё этого не хватало! Сначала Эссен с его отравой, теперь вот Эдвард со своими намёками...

— Бывшая, лэд Тьер, бывшая, — ехидно возвращаю кое-кому потерянную память. — Сейчас я просто лекарь. А это разные вещи.

— Пока помолвка в силе...

— Хорошо! Я завтра же подам прошение о расторжении в Королевский суд. Доброй ночи, лэд Тьер! — Хлопаю дверью и подпираю её плечом.

Помолвка! Нашёл, что вспомнить! Лучше бы так пёкся о помолвке, когда целовал Беатрис.

— Мири, — тихонько скребётся рыжий, — я ведь не отстану... Открой, пожалуйста.

— Нет! — рявкаю. — После лечения мне положен отдых и полный покой. И вам, кстати, тоже.

Все вопросы и ответы завтра. После того, как получу их от Эссена. Если не придушу этого гада раньше.

— Миранда, я волнуюсь за тебя. Если не вступишь — залезу в окно.

Бо-оги!

— К чему такие сложности, лэд Тьер? — Резко дергаю ручку и застываю на пороге мрачным изваянием. — Я жива, здорова. Вот даже ванну перед сном принимаю. — Нарочито встряхиваю мокрыми прядями. — Что, тоже горите желанием помочь?

— Тоже?! Что значит — тоже? — Брови Эдварда изумленно сходятся на переносице.

— Забудьте, лэд Тьер, это ровным счётом ничего не значит. — Опомнившись, резко взмахиваю, и рыжий сглатывает напряженно, отводя глаза.

Ого, главный распутник и повеса всего королевства умеет смущённо краснеть? Тут что-то не то, определено что-то не то....

Ох! Случайно перевожу взгляд вниз и резко запахиваю халат. Стыдно-то как, стою тут перед ним мокрая и практически голая, не удивительно, что рыжий...

Да к демонам, Миранда, опомнись! Он приворожён, при-во-ро-жён! И всё что думает, всё что говорит и делает, всё — воздействие любовного зелья. Это не его чувства, не его мысли...

Мне нужно успокоиться, взять себя в руки. Делаю глубокий вдох, плотно переплетая руки на груди.

— Лэд Тьер... Честно, я в порядке. Просто я очень сильно устала сегодня. Давай поговорим завтра, пожалуйста.

— Хорошо, — внезапно соглашается Эдвард. — Только один вопрос...

Киваю. Один я осилю.

— Что вас связывает с герцогом Эссеном? — спрашивает с тревогой и я честно отвечаю:

— Ничего. Вообще ничего.

Это чистая правда. Уже минут десять как меня абсолютно ничего не связывает с Эссеном. Кроме жгучего желания надавать тому звонких пощёчин.

— Мири, ты ведь понимаешь, Эссен — не лучшая компания...

Хм, можно подумать, я этого не знаю? Знаю, ещё и лучше некоторых.

— Безмерно тронута вашей заботой, — я стараюсь, чтобы в голосе было поменьше сарказма, но тот лезет из меня, как перестоявшее тесто из-под крышки, — но я пока ещё в состоянии разобраться, кто лучшая компания, а кто нет.

— Если понадобится помощь...

— Обязательно позову. Спасибо, и доброй ночи, лэд Тьер. — Я почти захлопываю дверь, намекая, что разговор окончен, но рыжий нагло просовывает ступню.

— Зачем же так официально, Миранда? — Улыбается лучезарно.
— Ты ведь обещала, что мы подружимся.

— А вы... обещали... не волочиться, — давлю на дверь сильнее в бесплодной попытке оттеснить наглеца. Но тот стоит как упертый осел, хотя я тоже упрямая.

— Попробуем ещё раз?

Рыжий, ну вот что ты хочешь? Что?

Мы можем сколько угодно притворяться и пробовать, но оба понимаем: призраки прошлого так и останутся между нами незримой стеной. И это ты ещё про приворот не знаешь...

— Ну же, Мири, каков твой ответ?

Боги, как же я устала! Безумно, безмерно, бесконечно.

— Хорошо, лэд... Эдвард. — Медленно киваю и пользуюсь тем, что рыжий расслабился, одним резким движением выталкиваю его, закрывая дверь.

Сползаю по ней, обнимаю колени и шепчу: «Но это в последний раз».

Глупая, глупая, Мири!

Глава 9

Всю оставшуюся ночь я кручусь как на углях, сбивая одеяло и простынь в комок.

Мне снится рыжий в центре огромной чёрной паутины. Её тонкие, прочные нити унизаны сероватыми коконами, слабо мерцающими, как росяные капли после дождя. Сама не понимаю откуда, но я точно знаю: там, внутри, мои родители, сестры, Клара, лэд Эмиль и даже Эссен. И ещё сотни и тысячи незнакомых людей.

Я пытаюсь помочь, разорвать паутину, но влипаю в неё намертво. Дёргаюсь беспомощной мухой, чувствуя, как невидимые цепкие лапки с противным шорохом пеленают, постепенно превращая в неподвижный свёрток.

По искаженному лицу Эдварда проносятся короткие судороги, кривя в болезненном оскале, а синюю радужку затапливает непроглядная мгла. Он мечется, рвётся яростно, туго натягивая путы, резко вскидывает голову, раскрывая рот в беззвучном крике, и бессильно роняет её на грудь, обмякая.

Его яркие пламенные волосы больше не вьются, они свисают вдоль тела длинными грязными сосульками. Жидкая чернота лениво ползёт вверх по прядям, растекается, поглощает даже малейший намёк на огонь.

Тёмная макушка медленно поднимается...

Боги, это не он... Это не рыжий больше!

На меня торжествующе смотрит Гастон. Его глаза полыхают призрачной зеленью, он хищно скалится, как зверь перед прыжком, и мрак вокруг начинает беспокойно шевелиться, оживать, чтобы броситься в едином желании смять, поглотить, растерзать...

Я ору как резанная, заполошно слетая с кровати. Чтобы в ту же секунду испуганно нырнуть обратно.

Потому что едва мои ноги касаются пола, темнота в комнате приходит в движение. Начинает ползти изо всех углов, царапая паркет, стекать чёрными тягучими каплями с потолка и стен, карабкаться хищным вьюном по мебели. Сжимая плотное кольцо.

Я не справлюсь с ней, не справлюсь...

— Помоги, помоги, помоги... — шепчу затравленно, забыв, что сама оборвала связь.

Она совсем близко, уже здесь...

— Эссен! — молю в отчаянии.

Хлопает окно, и я тонко всхлипываю. Он пришёл, боги!

— Мири, что с тобой? Ты кричала...

Эдвард?! Нет, ему нельзя! Тьма поглотит его, подчинит, превратит в Гастона.

— Уходи! Рыжий, слышишь, уходи!

— Да что случилось-то? — недовольно взрыкивает Эдвард и идёт ко мне.

Прямо сквозь тьму...

И та покорно расступается, преклоняется перед ним, признавая хозяином, а потом тает бесследно, вновь становясь обычным ночным сумраком.

— Миранда, ты дрожишь...

Эдвард опускается рядом, притягивает к себе. Меня действительно бьет крупная дрожь, а по щекам текут слёзы. И я не понимаю, от ужаса они или от облегчения.

— Страшный сон? — Рыжий мимолётно касается лба губами. — Хочешь, побуду с тобой. Мама всегда так делала, когда меня мучили кошмары в детстве. А ещё она пела. Правда, не уверен, что моя песня тебя впечатлит, — смеётся тихо. — Музыкального слуха боги уж точно для меня пожалели.

Не сопротивляюсь, когда меня целомудренно заворачивают в одеяло, заботливо подтыкая его со всех сторон, а потом укладывают себе на грудь. Обнимают одной рукой, второй — перебирают распущенные волосы, изредка дергая спутанные пряди.

Рыжий мурлычет что-то под нос. Успокаивающе, умиротворяюще, негромко. Сама не замечаю, как проваливаюсь в сон. Обычный, светлый, спокойный и глубокий.

Просыпаюсь от солнечного луча, что нахально щекочет ресницы, норовя пролезть под закрытые веки. Открываю глаза и забываю, как дышать...

Рядом с подушкой примостился небольшой букет, перевязанный шёлковой белой лентой, а под ним записка. Утыкаю нос в незнакомые

цветы, больше похожие на стянутые в тугой шар пышные голубые воланы, втягиваю сладкий медовый аромат и ловлю себя на мысли, что улыбаюсь.

«Доброе утро, Миранда. За репутацию не бойся, меня никто не видел.

Надеюсь, ты любишь гортензии? Если опять приснится плохой сон — просто позови.

Я всегда буду рядом.

Эдвард.

P.S. Замок сегодня починят, но мне будет проще в следующий раз, если не станешь его запираешь».

Боги! Вскликаю и несусь к окну. Так и есть, запорная щеколда уныло болтается на одном гвозде. Распахиваю створки и свешиваюсь вниз, чтобы мгновением позже отпрянуть.

Сумасшедший! Он что, лез впотьмах по карнизу шириной не более моей ладони?

Невозможный! Несносный! Рыжий!

Спасибо, Эдвард!

А ведь говорил, что не будет ухаживать. Опять не сдержал слово...

Нет! Не буду думать о прошлом. Не сейчас, не хочу портить удивительно хорошее настроение.

— Доброе утро, госпожа! Какой сегодня чудесный день! Давно такого не бывало. — Молли вносит в комнату поднос с едой.

А ведь это правда. В Дареве солнечные дни — редкие гости. Сказывается близость гор и полноводной, беспокойной Вледы.

— Ваш завтрак, лэди, — немного чопорно произносит горничная, приглашая к накрытому столу. — Вот ещё, просили передать.

Рядом с приборами ложится конверт из плотного белого картона. Мне хватает беглого взгляда, чтобы понять, что на послании нет ни отправителя, ни адресата.

— От кого? — безмятежно интересуюсь, немного нервно расправляя салфетку на коленях.

С некоторых пор я демонски не люблю такие вот «безымянные» письма.

— Не знаю, с посыльным разговаривал господин Эмер. — Молли разводит руками. — Ой, какие красивые цветы! — вдруг восклицает

она, заметив букет. — Нужно скорее поставить в воду, жалко будет, если засохнут. Я мигом, одна нога здесь, другая там.

Она уносится из комнаты, а по возвращении аккуратно размещает тонкие стебельки в принесённой изящной вазе, убедившись, что им достаточно и жидкости, и света.

— До чего же приятный запах, — шумно втягивает носом и деловито интересуется: — Какое платье на сегодня приготовить?

— Эм... голубое, — я медлю с выбором не дольше секунды.

Да, пусть будет голубое. Моё любимое. Под стать букету и настроению.

— Чудесный выбор, госпожа. Я могу вплести в причёску несколько цветков. Получится прелестно.

— Хорошо. — Киваю.

Отлично! Решено, сегодня я буду прелестной.

Молли шуршит одеждой, я жую, то и дело косясь на запечатанное послание. Нет, портить аппетит не буду.

Покончив с едой и одеванием, отпускаю горничную и кружу вокруг стола как коршун.

Открывать или нет? Вот в чём вопрос. Может, это рыжий написал? Пальцы тут же проворно хватают конверт и быстро срывают замысловатую печать. А если плохие новости?

Откуда эта позорная нерешительность, Мири?

Набираю в грудь побольше воздуха, зажмуриваюсь, достаю сложенный вдвое лист дорогой гербовой бумаги, раскрываю, пробегаю глазами и охнув, рву его в клочья...

Вот гад!

«Достопочтенная лэди Миранда Сиал.

Ваше прошение о расторжении помолвки с лэдом Эдвардом Тьером полностью удовлетворено сего дня его Величеством Вильямом Гарольдом Туав, о чём внесена соответствующая запись в книгу регистрации храма Всех Богов за номером пять тысяч восемьсот девятым.

С искренним уважением,
лэд Максимус Шанз, первый королевский секретарь».

Гад! Гад! Гад!

Какой же этот Эссен мерзавец и гад!

Он видел-то меня один раз! И уже так нагло и беспардонно влез в мою жизнь обеими ногами.

Убила бы!

Часы на каминной полке пробивают девять ударов. Прекрасно, через час у меня появится реальная возможность осуществить это желание. Но сначала... дергаю шнур для прислуги.

Демона ему под хвост, а не прелестную меня!

— Да, госпожа?

— Я передумала, хочу самое черное и отвратительное платье.

— Но...

— Немедленно, — топаю каблуком и с яростью выдираю из причёски цветы, — никаких украшений, никаких цветочков. Только строгая корона из кос. У меня траур.

— А это куда? — Молли неодобрительно коситься на смятые лепестки, аккуратно подбирает их в подол вместе с обрывками бумаги.

— В камин. Поторопись, Молли.

— Как скажете, — покорно вздыхает горничная.

И пока она меняет наряд, переплетает косу, я сижу как статуя. Просто боюсь, не выдержу и сорвусь. А ведь девушка ни в чём не виновата.

Боги, за что мне это? За что? Разве я мало возносила вам хвалы? Разве мало оставляла даров в храмах? Разве вела неправедную, полную порока жизнь?

Зачем на моём пути появился Эссен и всё запутал? Запутал? Запутал!

Клара!

— Спасибо, достаточно.

— Но, ещё остались пряди...

— Ты свободна Молли.

— Да, госпожа.

Как только горничная покидает комнату, выдергиваю ящик стола.

Где оно? Где? Нет, нет, не то! Нашла!

Пусть Эссен забрал подвеску, плевать. Перо-то осталось у меня. Хватаю первый попавшийся лист и пишу:

«Клара, что не так с цепочкой?»

Ожесточенно грызу сначала перо, а потом ноготь. Дорогие боги, пусть она будет дома. Обещаю, я отправлю во все храмы полные

корзины даров. Только, пожалуйста, пусть она прочтет...

«Ну, я так не играю...» — Долгожданные буквы всплывают золотой вязью.

«Клара, милая, мне очень-очень нужно узнать, что может делать твой подарок».

«Вот вечно ты портишь всю интригу!» — Я прям воочию вижу её недовольное острое личико.

«Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!»

«Ладно. — Благосклонно снисходят до меня. — Тот, на кого её надевают, на время становится истуканом. И не просто мраморным болванчиком, а говорящим исключительно правду. Одну правду. Ничего кроме правды. Здорово, правда! Рыжий не сможет тебе соврать, так что припрёшь его к стенке».

Боги, спасибо! Спасибо за чудесный подарок!

Я кровожадно ухмыляюсь и торопливо дописываю:

«Ты самая лучшая подруга в мире!»

«Оставь лесть для личной встречи. Верись, никакого удовольствия читать её. Гораздо приятнее внимать, наслаждаясь собственным величием».

«Я тоже тебя люблю!»

Буквы исчезают, убираю перо и злорадно потираю ладони. Ну что, самый чёрный-пречёрный маг королевства, пришла пора сбросить маски!

Покидаю комнату без пяти десять и сталкиваюсь на верхней площадке с рыжим.

В первое мгновение на его лице расцветает радостная улыбка, но она сразу гаснет, едва Эдвард окидывает недоумённым взглядом мой траурный наряд.

— Кто-то умер, Мири?

— Нет-нет, — торопливо отвечаю. — Просто неприятная встреча. Спасибо за цветы, они очень красивые.

Рыжий вновь улыбается светло, а я зачем-то добавляю:

— Правда, не стоило их дарить.

— Почему?

— Вы не сдержали обещание. В очередной раз.

Ну вот, опять я сказала не то, потому что Эдвард мрачнеет как туча.

— Спасибо, что напомнили, лэди Сиал, учту на будущее, — говорит бесцветно. — Позвольте вас проводить?

Киваю, подаю руку и грызу себя все оставшиеся пятнадцать ступеней.

Могла бы и промолчать... Ведь было же приятно? Приятно. А ещё тепло от заботы рыжего, от его отношения. Но нет, обязательно нужно ткнуть носом. И кому от этого легче?

Мы ступаем в холл под бой часов. Секунда в секунду. И в тот же момент открывается темный провал портала: великий и ужасный чёрный маг приглашает в гости. И отказа, как понимаю, не приемлет.

— Эссен?

Киваю.

— Помощь нужна?

— Справлюсь.

— Я рядом. — Эдвард легонько целует мою ладонь и мимолётным касанием поправляет выпавшие из причёски пряди.

Помню, рыжий, помню. И, невзирая на недавнюю браваду, нервно вздрагиваю. Всеми силами пытаюсь скрыть эту дрожь не только от себя, но и от него.

— Пора. — Чувствую, как пальцы Эдварда непроизвольно сжимаются. — Не стоит его злить.

Если Эссен взъестся на рыжего, мне придётся несладко. Долг жизни держит на привязи почище тюремных цепей. Правда, из тюрьмы есть какой-никакой шанс выбраться, а вот из лап смерти...

Вдыхаю глубоко, расправляю плечи, решительно отнимаю руку. Кидаю ободряющий взгляд напоследок и делаю шаг.

Мне не оставили никакого выбора... Но это не значит, что я сдаюсь заранее.

— Разумное решение, Миранда.

Эссен встречает меня подозрительно довольной улыбочкой, вальяжно развалившись на широком диване с бокалом вина.

— Присаживайтесь, лэди Сиал.

— Спасибо, я постою.

— Ваше право, — усмехается и отпивает.

Вытянувшись в струну, терпеливо жду, пока он неспешно допьет, отставит бокал и ловко закинет в рот несколько желтых полупрозрачных ягод, а затем, прожевав, аккуратно промокнет губы белоснежным платком.

— Не желаете? Говорят, риарский виноград впитал в себя солнце и на свете нет ничего слаще его. Хотя, я бы поспорил с этим утверждением с некоторых пор...

— Избыток сладкого приводит к полноте и преждевременной смерти, — невинно замечаю, и Эссен ухмыляется, проводя большим пальцем по губам.

— Поэтому я и предпочитаю сладость иного рода... А что привлекает вас, Миранда?

Боги! Как же он мне противен! Так хочется врезать по этой самодовольной физиономии, даже кулаки зудят.

Спокойно, Мири, без истерик.

— В еде? — Закатываю глаза. — Эм, давайте подумать... Я люблю хорошо проперченное, чесночное сало. А что? — Пожимаю плечами в ответ на удивленный взгляд. — На севере это лучший способ согреться в морозы.

— Кхм, занятно, — Эссен маскирует смешок кашлем.

— Рада, что смогла позабавить вас, лэд Эссен. Надеюсь, теперь можно отойти от темы гастрономических пристрастий и вернуться к цели моего визита.

— Кристиан. Просто Кристиан. — Он поднимается одним движением и идёт ко мне. — Думаю, мы достаточно близки, чтобы опустить условности. — Словно невзначай скользит подушечками пальцев от моего запястья до края ладони, сжимая и запечатывая капкан нежным поцелуем.

— Не думаю, что стоит так торопиться, лэд Эссен. Я вижу вас второй раз в жизни. — Я едва сдерживаюсь, чтобы не отшатнуться и отереть руку.

— Ваше желание — закон, лэди Сиал. Хотя мне было бы приятно перейти на... иной уровень общения. Надеюсь, вы не откажете в

небольшой любезности и составите мне компанию за бокалом арабийского?

— Не откажу.

Откажешь такому, как же.

— Превосходно, — расплывается Эссен, едва ощутимо лаская мою ладонь. — Я думаю на диване нам будет гораздо удобнее наслаждаться букетом и вкусом этого поистине божественного напитка. О, мне кажется, только вы сможете оценить его по достоинству, ведь это вино чем-то напоминает вас...

Мои пальцы опалает горячее дыхание, а следом за ним приходит прохладное, влажное прикосновение твёрдых губ.

— ...Только представьте: сочная вишня, подобная губам страстной девушки, тонкие нотки жгучего перца, чарующий аромат черной сливы и спелой ежевики, а под конец невероятно пряное послевкусие. В этом вся вы, моя огненная лэди, — так жарко шепчут мне, что я невольно облизываю пересохшие губы, замороженная низкими бархатистыми переливами мужского голоса. — Чудесная, нежная, желанная...

Тревожный перезвон далеких колокольчиков надоедливым комариным писком вплетается в плавную, тягучую речь герцога. И этот звук настолько пронзительный и неприятный, что я смаргиваю удивленно, очнувшись.

Боги, да я... я же практически в объятьях Эссена! Что я творю?!

Поймав мой изумленный взгляд, тот недовольно морщится:

— Я вынужден ненадолго покинуть вас, моя милая. Дела. — Вздыхает с досадой, неохотно отпуская мою руку. — Надеюсь, небольшая задержка не расстроит вас?

— Нет, нет, — торопливо отвечаю, мечтая оказаться как можно дальше и от этой комнаты, и от Эссена с его настойчивым интересом.

— Миранда. — Мой подбородок обхватывают, не давая возможности скрыть пылающие от смущения щеки. — Мы не договорили... Дождитесь меня.

Киваю послушно и судорожно сглатываю, когда серо-синие глаза Эссена темнеют. Он склоняется ближе... еще ближе... Я не выдерживаю. Отскакиваю, как ошпаренная, с воплем:

— Вам пора!

— Демоны! Я вернусь как можно скорее. Никуда не уходите.

Эссен исчезает в провале портала за долю секунды, а я мечусь по его кабинету как пойманный в ловушку зверь.

Нет, так не пойдет. Если он и дальше будет очаровывать меня... Что же делать? Что?

Спокойно, Миранда, нужно что-нибудь придумать. Лишить его власти. Переиграть. Но как? Как?

Я плюхаюсь в кресло, стискивая ладони между коленями.

Мне нужно узнать всю правду. Нужно как-то надеть цепочку Клары на Эссена, а потом... бежать. Бежать как можно дальше.

Но есть еще проклятие Эдварда. Карающий меч богов, зависший над моей головой.

Виски простреливает болью, я растираю их, тщетно пытаюсь собраться с мыслями. Всё не то...

Герцога нет слишком долго, и я поневоле устаю нервничать и переживать. Наливаю себе воды в бокал и пью её крошечными глотками. И с каждым таким глотком словно успокаиваюсь.

Я справлюсь. Что-нибудь обязательно придумаю. Главное, не дать ему вновь опутать себя паутиной красивой лжи.

Эссен вбил в голову, что его притягивает мой огонь. Хорошо, раз он жаждет огня — я дам ему этот огонь.

Но это будет моё пламя и мои правила.

Но для начала, неплохо бы понять, что мне поможет, сыграет на руку.

Я осматриваюсь, по-новому оценивая кабинет Эссена. А недурно он устроился, очень недурно. Признаю, самый чёрный-пречёрный маг королевства определённо не лишен вкуса. Я бы, наверное, тоже сделала что-то подобное.

Мне нравится, что здесь просторно и светло, что комната, чётко разделенная на две части. Рабочая — строгая, без излишеств и украшательства, только широкий массивный дубовый стол и два стула для посетителей, а по периметру белых оштукатуренных стен застекленные шкафы с разнообразными книгами, колбами, склянками, шкатулками, статуэтками и прочими мелочами.

Несколько высоких стеллажей, установленных поперёк, и элегантные обои в синих тонах с розанами и райскими птицами словно очерчивают границу между рабочим и личным, подчеркивая уютную атмосферу гостиной.

Сводчатый портал камина обрамлен белоснежным грейдарский мрамором с затейливой резьбой. По правую руку - тот самый диван, обтянутый насыщенным сапфировым бархатом, на который Эссен безуспешно надеется затянуть меня, соблазняя вином. И не только...

По левую – два низких кресла, такого же оттенка, посередине — изящный стеклянный овальный столик с открытой бутылкой арабийского, бокалами и высокой чашей, заваленной доверху аппетитными фруктами и ягодами. Некоторые плоды я не то что не пробовала, даже не видела.

По всей видимости, Эссен всерьёз настроился на долгую приятную беседу. Ну-ну...

Я выбираю самое дальнее от дивана кресло. Усаживаюсь, выпрямляю спину, аккуратно расправляю подол и чинно складываю руки на коленях.

Я не вижу, чувствую, когда Эссен появляется в кабинете. Цепенею, ощущая холодок по позвоночнику и вздрагиваю, едва пальцы герцога начинают неспешно разминать мои плечи.

— Можете расслабиться, Миранда. Вы слишком скованны... Не бойтесь, — вкрадчиво шепчет он, наклоняется к самому уху, — я вас не съем. Может, немного понакусываю... Ам! — Хищно клацает зубами и смеётся гортанным смехом, когда я с визгом подпрыгиваю на месте.

— Что вы... вы себе позволяете?!

— Не могу отказаться от удовольствия чуть-чуть подразнить вас. — Неискренне кается Эссен, заваливаясь на диван и вытягивая ноги. — Вы так мило смущаетесь. Кстати, ваше платье прелестно. Я оценил. Вина?

Мотаю головой.

— Как знаете. — Пожимает плечами. — А я, пожалуй, выпью.

Он небрежно плескает в бокал и салютует мне. Нет, ну каков гад!

— Но вернёмся к нашим баранам, а точнее проклятиям, — сделав глоток, Эссен дословно цитирует Клару.

Замираю в недоумении.

— Что-то не так? — Левая бровь герцога ползёт вверх.

— Н-нет.

Интересно это — намёк или просто расхожее выражение?

— Точно не желаете вина? А может, виноград? Попробуйте, он действительно вкусный, — вдруг заботливо интересуется, придвигая вазу поближе.

— Нет-нет, спасибо.

— Расскажите о вашей семье, — внезапно огорошивают меня.

— О моей семье? — Теряюсь на мгновение и прикрываю глаза, собираясь с мыслями. — У меня самая обычная семья, лэд Эссен. Боюсь, вам будет скучно слушать

— Ну что вы, я жажду узнать подробности.

— Ну, хорошо. — Нервно поправляю оборку. — Мой отец владеет обширными участками земли возле Арга, входит в городской совет. Мама занимается домом и двумя младшими сестрами. Ещё...

— Что вы любите?

— В каком смысле? — Хлопаю ресницами.

— Что вы любите делать? Как проходит ваш день?

— Эм... — Морщу лоб, вспоминая. — Просыпаюсь, умываюсь, одеваюсь, завтракаю, читаю. Если хорошая погода — рисую в саду. Обедаю. Гуляю, катаюсь на лошади, возжусь с цветами или помогаю готовить целебные настойки нашему аптекарю мэтру Лурье. Ужинаю, опять читаю. Играю с сестрами, готовлюсь ко сну и, собственно, всё.

— Ваши любимые цветы?

— Сирень.

— А цвет?

— Голубой.

— Животное? — настойчиво допытывается Эссен.

— Кошки, — выпаливаю, не задумываясь.

— Книги?

— Не помню... Не понимаю, к чему эти расспросы, ваша светлость? Мы вроде собирались обсудить проклятие лэда Тьера.

— Знаете, лэди Сиал, — Эссен медленно встаёт и в один шаг оказывается подле, нависает, запирая меня в кресле, — пока вы говорите, ваши очаровательные губки так соблазнительно шевелятся.

— Лэд Эссен!..

— Ты сводишь меня с ума...

Он впивается в мои губы ожесточённым поцелуем, сминая их, ласкает языком, вынуждая раскрыть рот. Пытаюсь оттолкнуть, отвернуться, но проклятая мебель играет герцогу на руку.

Боги! Нужно срочно прекратить это безобразие!

Одна Рука Эссена крепко обвивает мою талию и выдёргивает из кресла, вторая придерживает затылок.

— Ну, же Миранда, я знаю, ты тоже этого хочешь, — на мгновение оторвавшись, страстно шепчет Эссен. — Откройся мне.

— Ни за что! — восклицаю гневно, и Эссен пользуется моментом, чтобы протолкнуть язык в рот.

Пытаюсь сжать зубы, но понимаю вдруг, что не могу и против воли отвечаю на поцелуй. Убедившись, что сопротивление сломлено, Эссен переключается на шею, постепенно спускаясь ниже.

— Сладкая, сладкая, девочка...

Его губы жалят, оставляя влажный след на коже. Моё дыхание вырывается короткими резкими толчками, а в голове стелется багровый туман.

— Ну же, признай нашу связь, — хрипло смеётся Эссен.

Я киваю в полубомороке. Связь... Связь! Цепочка.

— Признаю. — Изворачиваюсь змеей, выскальзывая из объятий, и облизываю распухшие губы.

Нужно как-то отвлечь его, обмануть, заставить расслабиться и надеть цепочку. Но как? В искусстве обольщения я — первая с конца. Эх, зря не слушалась Люсиль! Хотя ей всего шестнадцать, она уже кокетка, каких поискать.

— Поцелуй меня, — хрипло просит Эссен. — Сама.

Как там говорила Люси? Смущаемся, стреляем глазками, понижаем тембр голоса.

— Я не могу. Лэд Эссен, это так... неприлично, порочно...

Закусываем губу, облизываем её, томно вздыхаем.

— А ты попробуй... — не менее томно мурлычет Эссен.

— Хорошо. Только сядьте. И глаза закройте. Пожалуйста...

Он покорно падает в кресло. Я медленно обхожу, скользя одной рукой по его груди и плечам, пока вторая судорожно шарит в кармане. Прячусь за спинкой и шепчу вкрадчиво:

— Глаза, Кристиан, глаза...

Мужские веки послушно опускаются, однако тело Эссена предельно натянуто, напряжено, как взведенная тетива. Его ладони слегка подрагивают на подлокотниках, то вцепляясь, то отпуская.

Странное пьянящее чувство власти накрывает меня с головой. Оказывается, удивительно приятно осознавать, что можешь полностью управлять кем-то.

Цепочка уже в руках, но я медлю. Перебираю мягкие тёмные пряди на затылке, заставляя его сдавленно стонать сквозь зубы. Мои пальцы неторопливо касаются широких плеч, а потом скользят вниз. Но вместо того, чтобы свести концы и застегнуть цепь, поглаживают мышцы, ощущая, как они перекачиваются под ладонями в такт рваному дыханию.

После поднимаются к лицу, обводят контуры. Осторожно касаются морщинки на переносице, ползут по скулам к вискам и вновь спускаются, нерешительно дотрагиваясь до твёрдых суховатых губ.

Я ловлю горячий судорожный выдох в ладонь и кричу себе мысленно: «Остановись! Миранда, стой!»

— Мир-ранда...

— Ещё секунду... — Встряхнувшись, жарко дышу ему в шею и дрожащими пальцами застегиваю цепь. — Простите, лэд Эссен, вы сами вынудили...

Герцог резко хватается за горло, рычит, как раненый зверь и вдруг замирает неподвижно.

С опаской обхожу кресло и окидываю взглядом мраморную статую Эссена. Он действительно окаменел, только живой взгляд пылает неукротимой жаждой мести.

— Мне очень жаль, но у меня нет другого выхода.

Глава 10

«Сними её! Живо!» — взрывается в голове разъяренный окрик.

— Сразу, как только узнаю, что делать с проклятием.

«Начинай!» — приказывают таким тоном, что вздрагиваю невольно.

Боюсь, после этого разговора мне придётся уносить ноги не только из нашего королевства. Но деваться некуда.

— Что вам нужно от меня? — спрашиваю вдруг совсем не то, что собиралась изначально.

«Может, ты мне просто понравилась?»

Ну-ну, конечно, я ведь самая красивая девушка на свете!

— Снять печати, — механически отвечает статуя, и я отшатываюсь в изумлении.

Боги, ну, конечно, печати! Только такая дурочка, как я, могла подумать, что Эссен... Я закусываю губу и хмурюсь, а негромкий обидный смешок в голове лишь подтверждает догадку.

Глупая, глупая Мири!

Однако досада исчезает, едва до меня доходит смысл сказанного...

Постойте, что?! Снять печати? Но как?..

— Кровь рода Туав, — послушно выдает истукан на мой сдавленный вскрик.

Значит, всё дело в ней... В бабушке по материнской линии, той самой, что была бастардом как Эссен. Благодаря её крови мы с мамой обладаем толикой тёмной силы, помогающей разрушать проклятия. Но, выходит, наша магия ещё и от печатей освобождает? Тогда получается, что снять их может любой незаконнорожденный отпрыск короля?

«Нет, не любой, — просвещает Эссен и голос его сочится сарказмом. — Без лекарского дара их кровь ничем не отличается от крови других магов. У рода Туав свои надежные оковы. Лишь сила исцеления способна снять ограничения, дать доступ к такой мощи, которую не видел этот мир. Они будут свободны от всех печатей и цепей. Ха, а я сразу понял, что ты — особенная. Та, кто мне нужна, подарок судьбы. Мой подарок!»

И, конечно, не смог пройти мимо. Даже слияние использовать не погнушался, мерзавец! Хор-рошо...

Боги! Резко оттягиваю ворот, задыхаясь от внезапно нахлынувшего жара.

Он что, опять это сделал?! Не сдерживаюсь и отвешиваю хлесткую пощёчину, отбивая ладонь о мрамор.

«Не ушиблась? — заботливо интересуется двуличный гад в моей голове. — Может, снимешь цепь правды, и я тебя пожалею...»

Не дожدهшься, засунь свою заботу... демону под хвост!

«Кстати, где ты её достала? — продолжает невинно выпрашивать Эссен. — Артефакт тайной канцелярии в обычной лавке не купишь».

Боги, Клара связана с серыми плащами?! По мне, лучше пройти парочку насильственных привязок, чем попасть к ним на заметку.

Кстати, о привязках...

— Можно как-нибудь избежать слияния?

И, прежде чем бесплотный Эссен успевает отреагировать, получаю ответ:

— Полностью очистить источник силы или создать новое слияние, закрепив его физической близостью.

Новое?.. А что, превосходная идея! Сразу убью двух зайцев одной стрелой.

«Нет!»

Вопль Эссена звенит в ушах, и я страдальчески морщусь, чувствуя, как лава во мне потихоньку нарастает, охватывает тело, вынуждая часто-часто дышать.

— И не за чем так орать.

«Тебе больше не нужны никакие слияния».

Угу, ничего, что у меня иное мнение?

— Что убивает Эдварда Тьера? — Спорить с Эссеном не имеет смысла, и я предпочитаю вернуться к основной цели, пока ещё в силах себя держать.

— Заклинание «Сердце тьмы».

— В чём его суть?

— Воскрешение. Новое воплощение. Вечная жизнь.

Демоны, Гастон — чудовище! Так вот почему во сне у Эдварда было его лицо.

— Как уничтожить заклинание?

— Убить раба или убить сосуд.

М-да, неприглядный выбор. Сосуд — это по всей видимости рыжий. А раб — тот, чью кровь Эмма принесла в пузырьке.

Пожалуйста, пусть это будет какой-нибудь негодяй, преступник, убийца. Наверное, так будет справедливо, чем забирать жизнь невинного. Хотя, о чём я думаю? Придётся убить живого человека... Ох, боги! Но иного выхода нет, я не могу позволить, чтобы Эдвард умер.

— Кто раб Эдварда? — выдавливаю, ненавидя себя за малодушие.

«Молчи!» — шипит Эссен, но мраморный болванчик бесстрастно произносит:

— Миранда Сиал.

Слова ложатся на плечи гранитными глыбами, и я падаю на пол, как подкошенная, не в силах поверить в услышанное.

Я?! Я — раб рыжего?!

— Почему, почему я? — шепчу потерянно, пряча лицо в ладонях.

«Почему ты? — усмехается Эссен. — Твоя мать прошла слияние, а ты свободна. Эмма выбрала тебя в надежде, что мальчишка полюбит и тогда проклятие разрушится. Но он не смог».

— Ты знал! — Я обрушиваю кулаки на пол и скрежещу зубами.

Знал, уверена, знал. И молчал... Все демоны бездны!

«Догадывался... — наконец отвечает нехотя, когда я уже готова броситься и голыми руками лупить бездушный камень, пока тот не раскрошится в мелкую пыль. — Хотя, поначалу, я предполагал, что это всё же твоя мать...»

Я обречена, обречена! Безысходность накатывает лавиной и ползёт по спине инеем, царапая позвоночник острыми когтями. Меня потряхивает и колотит попеременно то от ужаса, то от жара Эссеновского огня.

«Прекрати истерику! — сухо приказывает Эссен и, словно опомнившись, продолжает мягче: — Миранда, тебе ничего не грозит, успокойся. Я просто не мог уничтожить мальчишку своими руками: Гастон позаботился о его защите. Но ты — умница, справилась. С моей помощью, конечно. Приворот подействовал, и ты разорвала вашу связь».

Приворот? Приворот не помог, рыжий всё равно выбрал Беатрис, изменил, растоптал мои чувства. Так в чём же был его смысл? В чём?

Вскидываю голову и впиваюсь взглядом в беспокойные глаза Эссена на застывшем мраморном лице.

— При чем здесь приворот?

«Стой!» — вопит Эссен, но, покорный магии цепи, истукан уже равнодушно выдает разгадку:

— Приворот связал Эдварда Тьера с Беатрис Лиаль, чтобы уничтожить связь между рабом и сосудом.

Что?!

Значит зелье, которое давал лэд Эмиль... И рыжий... он влюбился в Трис... Не в меня... Боги!

— Вы — самый мерзкий человек, какого я встречала в жизни! Бездушное, беспринципное чудовище, ничем не лучше Гастона.

«А что, ты хотела умереть вместе с мальчишкой? Я выбрал тебя, хотя и обещал Эмме спасти его никчёмную жизнь».

— Вы выбрали себя...

«Плевать, что ты думаешь по этому поводу. Вашей связи больше нет, проклятие вернулось к тому, кто его наложил. Да, мне искренне жаль, что мальчишка умрёт, зато у Гастона больше нет шансов на возвращение. Я победил, а цель, как ты знаешь, всегда оправдывает средства».

— О, да! Поздравляю, лэд Эссен, вы победили, — с горькой иронией соглашаюсь и добавляю желчно: — Почти...

«Ну же, не обманывайся, моя девочка. Я победил безо всяких «почти». Ещё немного и ты не сможешь сопротивляться нашему слиянию, и станешь моей. — Самоуверенность Эссена плещется через край. — Обещаю быть нежным, накажу немного за самоуправство, но тебе понравится. Прекрати уже дрожать, как заяц, и скажи «спасибо» тому, кто спас от смерти».

— Спасибо? Спасибо! Спасибо... — истерически хохочу, дергая за рукав, вырывая пуговицы на манжете с корнем, и злорадно тычу статуе под нос предплечье со свернувшейся змеёй. — А это вы видели?

«Долг жизни! Демоны бездны! Откуда?» — бешено ревет Эссен. По его мраморному лицу разрастаются трещины, но мне плевать.

— Это долг моего отца перед лэдом Эмилем, — говорю устало, возвращая ткань на место. — А теперь он мой. Если рыжий умрёт, я

умру вместе с ним. Придётся вам искать другого лекаря с королевской кровью...

«Эмма — гадина! Подстраховалась, значит.... Не бойся, я заставлю щенка забрать клятву, слышишь?! Сам его убью!»

— В этом нет необходимости...

Я медленно оборачиваюсь и натываюсь на пронзительный взгляд рыжего. Боги! А он как здесь оказался?

— Я же обещал, что буду рядом, Мири. — Эдвард ободряюще улыбается, подходя ко мне, опускается на колени, обхватывает руку и обнажает печать. — Миранда Сиал, по праву крови, я освобождаю вас от долга жизни.

Предплечье обжигает краткой ослепительной болью, я охаю, на мгновение прикрывая глаза, а потом, придя в себя, с удивлением разглядываю чистую кожу без малейшего намёка на змею. Что, так просто?!

— Всё закончилось, Мири, ты свободна, — тихо произносит Эдвард, помогая подняться.

Меня качает, и он бережно подхватывает за талию, притягивая к себе.

Вот что мне делать? Стукнуть его или обнять? Я вся извелась из-за демонова долга, а он...

— Рыжий! Ты... — начинаю возмущенно.

— Знаю, — усмехается Эдвард, перехватывая занесенную кисть, и целует ладонь. — Прости, что не сделал этого раньше, — так искренне кается, что я сдуваюсь, как пудинг, вытащенный из духовки раньше времени.

Моя рука безвольно скользит вдоль тела, в то время как его пальцы нежно проходятся по щеке, ныряют в пряди волос и достают из переплетения длинную тонкую шпильку с крошечным серебристым глазком-жемчужиной.

— Как те, что были в твоей причёске в день нашей помолвки. Занятный артефакт, — невесело хмыкает рыжий. — Помогает не только услышать, но и увидеть, даже то, что не хочешь... Хотя твой, — он кивает в сторону мраморного Эссена, — не хуже.

Моё лицо горит. Не столько от магии Эссена, сколько от стыда. Боги, он всё видел.... Опять!

— Эдвард...

— Всё в порядке, Миранда. Не нужно оправдываться. Если хочешь, можем уйти. Решать тебе.

Что решать? Что? Неужели он всерьёз думает, что я вот так просто брошусь в объятия этого гада?

«Как трогательно и благородно, — ядовито напоминает о себе означенный гад. — Что даже не поборешься за неё?»

— А зачем? — Пожимает плечами Эдвард. — Я обречён.

— Нет! — вскрикиваю пронзительно и, испугавшись собственного порыва, прячу лицо у рыжего на груди, лихорадочно размышляя.

Нет, он не может умереть! Не может! Должен быть какой-то выход...

Эссен приворожил его к Беатрисам, не ко мне, значит... Значит, всё, что делал Эдвард последние недели — настоящее?

В моей памяти всплывают слова Эммы:

{...Коль будет искренней любовь,

Мёртвое сердце забьется вновь.

Защятые черное навеки падет,

И светом любви озарит небосвод!}

Его забота, внимание, стремление быть рядом, и даже его поцелуи — разве это не свидетельство, что мёртвое сердце забилося?

Он освободил меня от долга, зная, что умрёт. Разве Эссен — что старый, что молодой — сделали бы такое?

— Рыжий... — Я сглатываю тугой комок, поднимаю лицо, встречая его удивленный взгляд.

Мне страшно ошибиться, но ещё страшнее потерять...

Остаться без улыбок, без объятий, без тепла, без несдержанных обещаний, без поддразниваний, без поцелуев и касаний...

Боги, вообще не хочу оставаться без него!

Я хочу открыться. Не столько ему, сколько самой себе. Признать то, что уже давно признала мысленно.

Да, он сделал мне больно, очень больно. Но, как оказалось, его вины в этом не было.

— Рыжий... я... я...

Окончательно смущаюсь и не могу закончить, потому что слияние с Эссеном ударяет стеной пламени и багровый туман застилает реальность. Он ползёт от меня, ко мне, смазывая действительность, опалая нестерпимым огнём.

«Чудесно! — Довольно скалится Эссен. — Осталось несколько минут».

— Мири, что с тобой?

Воды...

Пожалуйста! Всё что мне нужно — немного воды, чтобы притушить пожар, испепеляющий изнутри.

— Отнеси меня к реке. — Моя голова безжизненно падает, в глазах темнеет. — Не... хочу... с ним... — запинаясь шепчу и взлетаю вверх, чтобы тут же провалиться глубоко во мрак.

Тьма нежно обнимает, качает в объятиях, и я её совсем не боюсь. Наоборот, стремлюсь к ней, как к спасительной тени, укрываясь от невыносимого жара.

— Ты... целовал... меня... ночью? — спрашиваю с трудом.

— Да, — обречённо выдыхает рыжий. — Каюсь, не удержался, прости. Мы опять не дружим?

Слабо мотаю головой.

— Попробуем ещё раз?

Я улыбаюсь в его камзол, если можно назвать улыбкой спёкшийся оскал.

Проклятый Эссен!

— Я люблю тебя, Мири, честно... — едва слышно произносит рыжий и остаток дыхания трепещет во мне вспугнутой птицей. — Ты можешь не верить, но это так, — бормочет он, — я не отдам тебя никому...

Глупый, я и сама ни к кому не пойду.

— Слышишь?

Слышу. И не только слышу — чувствую.

Потому что тьма и багровый туман схлестнулись, как бешенные волки. Рвут друг друга в клочья, а перед глазами всполохами фейерверков мелькают разноцветные вспышки.

Чёрное. Багровое. Чёрное. Багровое. Чёрное. Багровое, багровое, багровое...

Эссен сильнее, в его жилах королевская кровь. А дар Эдварда заперт.

Пламя везде. Оно пожирает тьму, пляшет неистово, изрыгает жалящие языки, оставляя в чёрном плаще огромные дыры. Но тьма ещё держится, укрывает остатками одеяния, разговаривает ласково голосом рыжего, шепчет взволнованно:

— Потерпи, Мири, ещё немного.

Мы опоздали, рыжий. Тьма почти исчезла, растаяла. Она всегда проигрывает огню. Всегда...

— Я... тоже... люблю... тебя... — успеваю выдохнуть напоследок и что-то ужасно холодное касается ног, ползёт по платью.

Ледяное и мокрое. Я слышу далекий плеск, но мне уже всё равно...

— Вледа, Мири. Ну же, очнись, моя хорошая. Ты просила воду. Вот она, рядом. Скажи, что делать?

— В-низ... — всхлипываю и проваливаюсь, захлебываясь водой.
— Не от-пус-кай...

Боги, пожалуйста!

Я не могу думать... Ни о чём... Ни о ком... Только о боли.

«Не-е-ет!» — голос Эссена вибрирует на высокой ноте и падает вместе со мной, разбиваясь мириадами брызг, чтобы снова ожечь огнём.

— Поцелуй меня, рыжий... — хрипло шепчу на выдохе, уже не различая ни тьмы, ни багрового пламени.

Даже если всё напрасно, пусть последнее, что запомню — будут его губы, касающиеся моих...

Эпилог

— Миранда...

— М-м-м, — бормочу, устраиваясь поудобнее, и плотнее заворачиваюсь в плащ.

— Просыпайся, соня. Скоро утро.

Нехотя поднимаю ресницы, встречая лукавую синеву. Рыжий склонился близко-близко, его дыхание согревает щёку и щекотно шевелит налипшие на лицо волосы.

— Ещё немножко, — канючу, — совсем чуть-чуть.

— Тогда точно придётся ехать в храм.

— Не придётся. Я падшая женщина. И вообще, со вчерашнего дня, официально свободна. — Брови Эдварда лезут на лоб, и я нехотя признаюсь: — Эссен постарался. Можешь сам удостовериться. Запись за номером пять тысяч восемьсот девять.

— Вот гад! — беззлобно хмыкает рыжий и трется носом о мой нос. — Если поспешим, наша запись будет пять тысяч восемьсот десятая.

— Мне не нравится, — отворачиваюсь, натягивая кусок плотной ткани на голову.

— А что нравится?

— Сено нравится, твоя рубашка нравится, ты нравишься.

— И ты мне нравишься. — Меня мимолётно целуют в краешек губ, а потом одним движением подгребают под себя. — Очень-очень нравишься...

— Ещё бы я тебе не нравилась, — фыркаю, ерзая под ним и устраиваясь поудобнее. Чтобы я там не говорила про сено, но колется оно немилосердно. — От проклятия спасла, от смерти спасла. Да ты теперь по гроб жизни мне обязан.

— Согласен. Но сначала в храм.

— В храм, так в храм, — ворчу. — А потом спать... И вообще, — вдруг вскидываюсь, — ты мне так и не сказал.

— Что?

Выразительно закатываю глаза.

— Ах, это... — Хитро щурится рыжий и немного приподнимается на локтях.

— Ну-у, — требовательно подпихиваю его в бок, — я жду.

— Лэди Миранда Сиал, — торжественно начинает Эдвард, стараясь чтобы голос не дрожал от сдерживаемого смеха, — в вашей власти сделать меня счастливейшим из смертных...

Чистая правда. Киваю и расплываюсь в самодовольной ухмылке.

— Вы станете моей женой?

Поджимаю губы, морщу нос и отвечаю:

— Нет.

— Мир-ри... — грозно рычит рыжий, придавливая всем телом.

— Нет, — повторяю упрямо, невинно хлопая ресницами, — не стану. Я уже ваша жена, лэд Тьер. И не дай вам боги посмотреть на сторону. Убью на месте!

— Мне никто не нужен, — жарко выдыхают мне в губы.

— И мне...

Нужно видеть выражение лица лэда Эмиля, когда мы возвращаемся в дом Тьеров на рассвете.

— Мири? Эдвард? Что произошло? — встревоженно вопрошают нас, встречая в холле, куда открылся последний портал.

Оказывается, та шпилька с жемчужиной — не просто следящий артефакт, в ней ещё были спрятаны три портала. Уж не знаю, где Эдвард добыл такую чудо-вещь, но она в буквальном смысле спасла наши жизни.

— Папа, нам нужно в храм. Срочно! — Рыжий подхватывает меня на руки и стремительно шагает к лестнице, обходя растерянного отца.

— Эм, но...

Изумлённый взгляд, скользнувший по мне, уж очень красноречив, и я смущённо краснею, плотнее запахивая плащ, под которым скрывается изрядно разорванное полусырое платье. Это рыжему я могу заявить про падшую женщину, а перед лэдом Эмилей мне ужасно стыдно за свой неподобающий вид.

— Нет времени на объяснения, — бросает через плечо Эдвард, перешагивая через две ступени зараз. — Пришли к Миранде

горничную, чтобы та помогла одеться. У нас свадьба через час, — балансируя на верхней площадке внезапно выдает он, и мой удивленный возглас сливается с возгласом его отца:

— Эдвард!

— Рыжий!

Мы одинаково изумленно пялимся на донельзя довольную физиономию, пока рыжий перехватывает меня поудобнее и напоминает строго:

— Время...

— Конечно, конечно, — радостно спохватывается Тьер-старший и, забыв о колокольчике, чуть ли не вприпрыжку уносится в сторону кухни.

— И что это было?

— Папа счастлив. — Эдвард невинно пожимает плечами, шагая по коридору. Открывает дверь в мою комнату бедром, вносит и ставит меня на пол, но не отпускает. — Я же говорил, что наша запись будет пять тысяч восемьсот десятая.

— Я думала, ты шутишь...

— Какие уж тут шутки, Мири. — Моих губ касается быстрый поцелуй. — Эссен дышит в затылок. Он не успокоится, уверен. Так что, пока не станешь моей женой, я с тебя глаз не спущу.

— Тогда на что мне Молли? Может ты сам меня оденешь? — Я лукаво смотрю из-под опущенных ресниц.

— И одену, Мири, и раздену. Больше ты не сбежишь... — хрипло выдыхает рыжий и так крепко прижимает, что я издаю придушенный писк.

Эти нежные губы сводят с ума. Я обхватываю его шею, зарываюсь пальцами в рыжие пряди и уже сама льну, врастаю у него, пускаю прочные корни. Боги, пусть это никогда не кончается, пожалуйста... М-м-м...

— Лэди Миранда, ваше платье готово, — голос Молли врывается в сознание, как удар хлыста, и Эдвард с сожалением прерывает поцелуй, потому как сама я не в силах сделать этого.

Издаю разочарованный стон, когда он отстраняется. Так вот, значит, как всё чувствуется после слияния. Я даже и не подозревала, что можно так... остро, ярко, полно. Словно и не жила до этого мига.

— Рыжий, это... это невероятно...

— Это ты — невероятная, моя любимая, — шепчет Эдвард, и я смотрю в его синие лучистые глаза и не могу насмотреться, тону в лазоревой чистоте, словно падаю в небо.

— Эдвард...

— Мири...

— Кхм, так мне уйти?

Спустя тридцать минут я уже одета и даже причёсана, и всё это Молли сделала абсолютно бесплатно. Я глажу светло-серый шёлк того самого платья, которое было на мне в день помолвки и тихо улыбаюсь, вспоминая. Да, сегодня я всё-таки стану Мирандой Тьер и никто больше не сможет помешать.

Прохаживаюсь по комнате, ожидая рыжего, которого с трудом, но всё же уговорила, не глядеть как я переодеваюсь.

Молли даже чай с печеньем успела принести, прежде чем упорхнуть на кухню, так что я рассеянно прихлебываю тёплый напиток и смотрю в окно на заросший сад Тьеров.

— А говорят, что женщины долго собираются. — Поворачиваюсь с улыбкой, когда дверь тихонько скрипит и улыбка сползает с лица, едва вижу Эссена, невозмутимо переступающего порог.

— Эдва... м-м-м, — успеваю крикнуть, прежде чем метнувшийся герцог накрепко запечатывает рот, и уха касается вкрадчивый шепот:

— Ш-ш-ш, Миранда. Я уберу руку, если не будешь кричать.

Я киваю и, получив свободу, шиплю гневно:

— Что вам нужно? Я прошла слияние с Эдвардом и для вас бесполезна.

— Знаю, и я рад этому, — внезапно огорошивают меня, обхватывая подбородок. Во взгляде Эссена нет ни злобы, ни жажды мести, лишь спокойствие и немного печали. — А ещё я знаю, что у тебя сегодня свадьба.

— Но как?.. Откуда?..

— Миранда, наивная моя девочка, — беззлобно смеётся Эссен. Его пальцы скользят по моим губам в короткой ласке, но она так невесома и мимолетна, что практически не замечаю. — Всё получилось так, как мы с Эммой задумали. Право слово, в какой-то

момент я даже испугался, что мы ошиблись, но Эмма всё-таки лучше знала своего сына.

— Но...

— Запомни: то, что дается легко — никогда не ценится по достоинству. А любовь — слишком дорогой подарок, за неё стоит бороться и умереть, чтобы воскреснуть. Что ж, — он окидывает меня странным взглядом: — ты — очень красивая невеста. Искренне желаю вам счастья. И кстати, — в его глазах мелькает хитринка: — надеюсь, у твоих сестёр тоже есть лекарский дар?

— Что?! — рычу, но Эссена уже и след простыл, только россыпь чёрных искр оседает на ковре в том месте, где он стоял мгновение назад.

Вот гад!

Три года спустя.

— Папа, а мама шпит? — звонко спрашивает Эмма, пытаясь засунуть любопытный нос поглубже под одеяло.

— Ш-ш, спит. Не будем ей мешать, пусть отдохнет, лисёнок? — шепчет Эдвард и осторожно соскальзывает с кровати, чтобы не разворошить тёплое гнездышко. Рыжий всё переживает, чтобы я, не дай боги, не замёрзла.

— А у меня есть зук. Шмоти, какой касивый.

Кажется, кто-то опять притащил из сада очередное крылатое чудовище. Наш дом с некоторых пор превратился в настоящий бестиарий для всяких жужжащих-шуршащих и трескучих.

— Действительно, — беззвучно смеётся рыжий, — очень красивый.

— Он итать умеет. А мама дойго шпать будет? Я есь хосю.

— Пойдём, покормим тебя. Кстати, а что едят маленькие лисята?

— Ну, мы едим леденси. У тебя есь леденес? Нет, тогда касю с валеньем...

Дверь тихонько прикрывается, практически без скрипа, и родные голоса удаляются, превращаются в невнятное бормотание. Я продолжаю лежать, как мышка, не открывая глаз, хотя больше нет

нужды притворяться. Но мне кажется: пошевелюсь, сморгну и всеобъемлющее чувство счастья, что затопило меня с головой солнечным светом, исчезнет, растает в привычном уже даревском тумане.

Глупость, конечно!

Ведь у меня теперь есть личные светила, мои дважды рыжие солнца!

Ох, нет, уже трижды...

Конец